

ЛитРес:

Эрика Адамс

Соблазненная

18+

ЛитРес: Фантастика

Эрика Адамс
Соблазнённая

«Автор»

2019

УДК 82-31
ББК 84-44

Адамс Э.

Соблазнённая / Э. Адамс — «Автор», 2019 — (ЛитРес:
Фантастика)

ISBN 978-5-00155-417-2

Капризная и своенравная красавица из высшего общества Эмилия Тиммонс уверена, что достойна только лучшего. И несомненно, прекрасной партией для нее станет Лаэрт Солсбури, молодой человек из хорошей семьи, подающий большие надежды в политике. Разве может с ним сравниться эксцентричный поставщик вина Максимилиан Ровере, который так настойчиво добивается ее внимания, но при этом нарушает элементарные правила приличия? Эмилия даже предположить не могла, к чему приведет ее брак с идеальным, на первый взгляд, мужчиной...

УДК 82-31

ББК 84-44

ISBN 978-5-00155-417-2

© Адамс Э., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Пикник	9
Глава 2. Знакомство	15
Глава 3. Приём гостей	19
Глава 4. Ставки сделаны	24
Глава 5. Первый шаг	30
Глава 6. Внезапное сближение	34
Глава 7. Предложение	36
Глава 8. Ультиматум отца	39
Глава 9. Охота	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эрика Адамс

Соблазнённая

©Адамс Э... 2021

© ООО «ЛитРес», 2021

© «Яуза-каталог», 2021

* * *

Пролог

Забегая немного вперёд...

Было уже довольно поздно. Сегодня Эмилия задержалась с чтением книги немногим дольше обычного, будучи не в силах оторваться от занимательного рассказа. Отложив книгу в сторону, она потянулась, вытягиваясь стройным, гибким телом вверх, и размяла затёкшую шею руками. Чёрные волнистые волосы тёмным каскадом заструились по плечам, придавая облику девушки кокетливый вид. Она шла по пустынным коридорам, удерживая в руке небольшой фонарь, освещающий пространство замка, тонувшего в полуночной тьме.

Наверняка любой посчитал бы волнующей фигурку юной прелестницы, одетой лишь в лёгкую сорочку и халат мягкого бежевого цвета. Полный жадного любопытства взгляд пробежал бы по тонким чертам лица, заостряя внимание на мягких пухлых губах и тёмных глазах, мерцающих загадочным блеском из-за огонька фонаря, отражающегося в глубине зрачков.

Но все обитатели уже давно разбрелись по своим комнатам, даже слуги вернулись в часть замка, отведённую под их нужды. А единственный мужчина, чьё мнение о ней волновало бы Эмилию, наверняка сидел сейчас в своём кабинете, склоняясь над очередным законопроектом, или предавался глубоким размышлениям, потягивая бренди. На одно мгновение в её голове промелькнула мысль пробраться на его территорию, презрев все договорённости и наплевав на правила совместного проживания.

Но то была прихоть, мгновенно вспыхнувшая и угаснувшая от одного-единственного звука голоса разума. Ради чего, холодно вопрошал он? Чтобы ещё раз насладиться видом ледяного равнодушия и окунуться с головой в снисходительное презрение, наполнявшее его до самых краёв? Эмилия вздохнула немного глубже и направилась к себе всё тем же уверенным шагом, не догадываясь, что через каких-то несколько минут окажется застигнутой врасплох, что в дом ворвутся красные мундиры, громко сотрясающие ночной воздух криками «Именем короля!»... Что она будет стоять посреди развороченного кабинета, с бессильной злобой глядя, как солдаты переворачивают всё вверх дном, вытряхивая содержимое ящиков её стола, и нагло разглядывают личную переписку. Сейчас она спокойна и собрана, в голове неспешно вились самые разнообразные мысли о приятных сердцу мелочах, но совсем скоро она окажется лицом к лицу с бедой, накрывшей чёрной хищной тенью супружескую чету.

Но что будет самым неприятным, царапнувшим по ней больнее всего, это всё то же равнодушие и отстранённость супруга, спокойно взирающего на творящийся вокруг беспредел. Он ещё не собирался ложиться спать, оттого встретил незваных гостей одетым в домашний костюм, лишь на жакете было расстёгнуто на пару пуговиц больше обыкновенного. А вот ей не было позволено даже придать своему облику более приличествующий вид – настигли на пороге собственной спальни и провели полураздетой под наглыми взглядами солдафонов.

– Почему ты ничего не предпринимаешь? – всё же она метнулась птицей к супругу, потягивающему спиртное из бокала. Он не ответил, лишь проводил взглядом полетевшую на пол резную деревянную шкатулку, сброшенную на пол без всяких церемоний.

– Почему ты стоишь с таким видом, будто не происходит ничего из ряда вон выходящего?

Эмилию уже трясло от негодования, она не удержалась и схватила мужа за руку, желая привлечь его внимание.

– Успокойтесь, Эмилия, – с лёгкой брезгливой гримасой на лице он осторожно высвободил свою кисть из захвата её руки, покрытой холодным потом страха.

Голосом своим он намеренно подчеркнул обращение на «вы». О, как ей хотелось взять и вклеить ему это «вы» в лицо, словно хлесткую пощёчину! Всегда «вы» – на публике, при прислуге и наедине. Холодное, равнодушное «вы», полное презрения и потаённой насмешки. И, словно сжалившись над ней и её потрясённым видом, добавил:

– Своей неприязню и вспыльчивостью вы сделаете только хуже. Ваши действия могут быть расценены как сопротивление интересам короны, а последствия могут быть необратимыми не только для вас самих, но и для меня в том числе.

– Можешь сколько угодно делать вид, будто тебе нет никакого дела до того, что творится в твоём доме прямо сейчас. Но я не собираюсь позволять этим мужланам ковыряться в моей личной переписке и пятнать своими руками принадлежащее мне! – злобно проговорила она в лицо супругу и решительным шагом направилась в сторону командующего погромом, как раз выламывающего замок одного из ящиков секретера.

– Я бы попросила вас бережнее относиться к предметам, вам не принадлежащим! – её голос поднялся, на миг перекрыв гвалт чужих голосов, но сразу же утонул в грохоте и перебранке.

Слова Эмилии не возымели никакого эффекта, каждый из присутствующих продолжал перетрясать содержимое кабинета. Она сделала шаг вперёд и вырвала из рук солдата личные письма, читаемые им с глумливой улыбкой на лице.

– Не смейте совать нос в личную переписку, – раздражённо прошипела она, прижимая к груди письма.

– Эй, что с этой делать? – солдат схватил её за локоть и дёрнул на себя. – Оказывает сопротивление!

Сильные пальцы до боли сжали локоть, не давая дёрнуться в сторону. Командующий небольшим отрядом обернулся на грубый окрик и неторопливо подошёл, смерив Эмилию взглядом с головы до ног.

– Держитесь подле вашего супруга и не мешайтесь под ногами.

– Лучше вам и вашим людям держаться подальше... – закончить предложение она не успела. Щёку и губу обжёг удар перчаткой, зажатой в руках мужчины.

– Уведите её прочь!

Солдат встряхнул Эмилию и потянул, принуждая идти вперёд, толкнул в сторону супруга, безразлично наблюдавшего за безобразной сценой, вершившейся на его глазах, но не пошевелившего и пальцем, чтобы прекратить это.

– Держите свою жёнушку крепче.

Солдат ухмыльнулся и присоединился к товарищам, усердно копошащимся в чужом имуществе, словно черви в гнилом мясе. Эмилию сотрясала крупная дрожь, а ноги едва не подгибались. Она не могла понять, почему супруг так спокоен, словно происходящее здесь и сейчас его ни в коей мере не касается.

Он равнодушно потягивал спиртное и не обращал никакого внимания на молодую жену, находящуюся на грани нервного срыва. Наконец нечто похожее на сострадание проявилось на его лице, и он обратился вполголоса к Эмилии, но слова его были далеки от тех, что хотела от него услышать:

– Хватит убиваться, лучше выпейте вина. Неизвестно, когда в следующий раз вам представится такая возможность.

Эмилия ошарашенно посмотрела на лицо супруга и отодвинулась от него, настолько была сильна неприязнь, резко возникшая по отношению к нему. Тем временем командующий отрядом солдат выпотрошил потайной ящик и, схватив лежавшие в нём листы бумаги, исписанные мелким аккуратным почерком, издал торжествующий возглас.

– Это написано вами, не так ли?

Он в два счёта преодолел пространство кабинета и сейчас тряс бумагами, тыча ими едва ли не в лицо Эмилии.

– Это написано вашей рукой? – повторил он свой вопрос, теряя терпение.

– Вы не имеете никакого права... – начала было Эмилия, но супруг положил ей руку на плечо, отвечая вместо неё:

– Да, это почерк моей жены.

Командующий в ответ широко улыбнулся и махнул рукой, призывая к себе подчинённого, только того жеста и ожидавшего.

– Отвечаешь головой за эти бумаги. Собрать всю личную переписку супружеской пары и в кратчайшие сроки доставить в управление...

Солдат слегка поклонился и поспешно ринулся исполнять приказания своего командира, а тот обернулся к замершей супружеской чете и, выпятив грудь колесом от гордости, начал зачитывать монотонным голосом:

– Действуя от имени короля и согласно его приказу, я считаю нужным задержать вас обоих по подозрению в заговоре с целью низвержения Его Величества, а также по подозрению в подстрекательской деятельности и подрыве авторитета парламента...

Командующий отрядом зачитывал стандартную форму обращения, перечисляя обвинения, сыпавшиеся как из рога изобилия. Эмилия стояла, поражённая его словами, и тяжестью обвинений, ложившихся на неё и её супруга, но более всего её поразила фраза:

– ...водворить вас в места предварительного заключения на всё время разбирательства без возможности оспорить это решение.

– Возмутительно!

Она вздёрнула подбородок повыше, полыхая от негодования: как правило, аристократов их уровня не мешали с грязью и чернью и в виде предварительного наказания применяли лишь домашний арест, ограничивая возможности передвижения провинившихся стенами их домов. Разумеется, к тем, кто представлял особую опасность, приставляли постоянную охрану, но...

– Ни-ког-да ранее людей нашего круга не заключали под стражу до выяснения обстоятельств, – отчеканила она, – наша вина не доказана, а значит, относиться подобным образом к нам противозаконно.

– Уже нет, – ухмыльнулся командир отряда, явно испытывающий удовольствие, – указ был подписан пару дней назад... У вас будет время ознакомиться с ним на месте вашего заключения.

Он отвернулся и крикнул куда-то в сторону:

– Заковать их и увести!

– Нет! – вырвался возмущённый крик из горла девушки, когда к ней шагнула высокая крепкая фигура солдата с кандалами в руках. – Вы не можете... вот так...

Слова вдруг начали путаться и стояли колом в горле. Она хотела сказать, что никто не вправе подвергать её подобному унижению – уводить из стен поместья в одном лишь неглиже.

– Насчёт своего внешнего вида не беспокойтесь. На месте вам выдадут одежду, более соответствующую вашему новому статусу, чем та, что надета на вас сейчас.

Нет-нет-нет... Этого просто не может быть, потрясённо носилась одна-единственная мысль по кругу в её голове, но на тонких запястьях леденящим металлом кандалов уже сомкнулась реальность, с каждым мгновением всё больше напоминающая дурной, вязкий кошмар, из которого никак не выбраться.

Глава 1. Пикник

– Вы не находите это платье несколько фривольным для подобного мероприятия? – осмелилась подать голос горничная, но тут же сконфузилась под насмешливым взглядом Эмилии. – Простите, пожалуйста.

– Не забывайся, – холодно приструнила Эмилия прислугу, тотчас же решив сменить её. Похоже, служанка начала забываться, приняв за проявление дружбы бессмысленный трёп, обмен мелкими сплетнями и колкие замечания, изредка вскользь роняемые Эмилией в сторону той или иной особы. Или того больше – прислуга решила, что она ровня ей?

Красавица, сидевшая у туалетного столика, обратила взор на своё отражение, отметив, каким предвкушением блестят тёмные глаза, выделявшиеся на молочной коже лица. Тщательно осмотрела кожу, выискивая признаки мелких веснушек, и с облегчением вздохнула, не обнаружив ни одной. Она всё время боялась испортить фарфоровую белизну кожи этими крошечными, но такими отвратительными рыжеватыми пятнышками, возникающими летом под действием солнечных лучей у большинства из её знакомых. Оттого с замиранием сердца вглядывалась в своё отражение каждое утро, боясь обнаружить изъян, который пришлось бы маскировать косметикой, презируемой ею.

Возможно, когда первый цвет юности перейдёт в иную стадию красоты, ей тоже придётся прибегнуть к ухищрениям чудодейственных баночек с известным и понятным всем содержанием. Но до сих пор она обходилась лишь яркой внешностью, которой одарила её природа, внутренне посмеиваясь над ровесницами, накладывающими слои пудры и румян, тщательно подкрашивающими глаза ежедневно, просто для того чтобы не выглядеть бледным увядшим цветком.

Замечание служанки всё же несколько покорило Эмилию, и она ещё раз придирчиво осмотрела наряд, тщательно отобранный задолго до этого. Времени что-то кардинально менять или, хуже того, судорожно метаться в поисках нового платья не было, но она решила непредвзято оценить его со стороны, чтобы иметь возможность искусно подобранным аксессуаром исправить ситуацию.

Но нет, тревоги были напрасны, как и сомнительный вопрос прислуги: белое лёгкое платье до пят идеально сидело на фигуре, выгодно подчёркивая все её преимущества. Под фривольностью служанка, скорее всего, имела в виду отсутствие прочного каркаса корсета и твёрдого лифа, на замену которым пришла лишь материя, плотно обтягивающая тело до талии, но не стесняющая его движений. Подобный фасон платьев ещё не получил широкого распространения среди модниц по большей части оттого, что необходимо было обладать идеальной, без малейших изъянов, фигурой. Оно не подразумевало наличие корсета, выставляя на всеобщее обозрение естественные параметры талии, не утянутой настолько, что было трудно даже вздохнуть.

Несомненно, найдутся злые языки, даже из числа близких приятельниц, которые обсудят её за спиной, не преминув указать на несуществующие недостатки. Но так или иначе внимание большинства будет привлечено к ней, как восхищённое мужское, так и завистливое женское. В последний раз оглядела себя в зеркале в полный рост и милостиво разрешила присмиревшей горничной собрать выющиеся тёмные волосы в незамысловатую, кокетливую причёску, оставив несколько прядей свободными, словно они выбились совершенно случайно. Со сборами было покончено – осталось только надеть нитку белого жемчуга и серьги из него же, дополнив образ ажурными перчатками до локтя, лёгкой сумочкой и небольшим зонтиком.

В дверь комнаты настойчиво постучали – два раза, небольшая пауза, затем ещё два раза. Отец, радостно улыбнулась Эмилия, дав знак прислуге отворить дверь. Она оказалась права.

За дверью стоял Эдвард Тиммонс, как всегда, гладко выбритый и сдержанный, лишь тёмные глаза, немного выцветшие от времени, выдавали его бойкую, живую натуру.

– Прелестница моя, – привычно обратился он с ласковой улыбкой к дочери, довольно оглядывая её со всех сторон с гордостью во взгляде, – боюсь, после посещения мероприятия мне придётся просить полисменов выделить дополнительную охрану у входа в поместье. Иначе нам не дадут покоя желающие добиться твоей руки, число которых неизменно возрастет в разы уже через пару-тройку часов.

Эмилия улыбнулась, целуя отца в щеку, слабо пахнущую свежим парфюмом. Матери они лишились несколько лет назад, но отец до сих пор так и не обзавёлся супругой, несмотря на то что Эдварда то и дело зачисляли в число самых желанных вдовцов их округа. Преклонный возраст не был помехой желающим связать себя с ним узами брака – подобравшись к началу седьмого десятка, Эдвард Тиммонс всё ещё производил благоприятное впечатление. Но после смерти жены он переключил всё своё внимание на единственную и горячо любимую дочь, возможно иногда позволяя и спуская ей с рук слишком многое.

– Я готова, мы можем выезжать.

– С большой охотой, – отец галантно подставил локоть и повёл свою дочь вниз с такой гордостью, будто сейчас находился под пристальным взглядом всего королевского двора, а не просто прошёл мимо прислуги, застывшей в подобострастном поклоне.

Экипаж, запряжённый парой пегих резвых лошадок уже дожидался хозяев во дворе поместья. Эмилия, поддерживаемая всё ещё крепкой рукой отца, уселась внутри, аккуратно расправляя платье, чтобы не допустить появления на утреннем пикнике в растрёпанном виде. Отец ловко забрался внутрь, и экипаж плавно тронулся с места.

– Томпсоны обещали устроить неплохой приём, – оправляя галстук, заметил отец.

– Главное, чтобы на нём не было скучно, как обычно, – немного капризно заметила Эмилия, морщась при воспоминании о прошлом приёме, на котором присутствовали все сливки общества в лице мужчин преклонного возраста и их чопорных супругов. Молодых людей и девушек можно было по пальцам пересчитать, и они сбились в пару небольших компаний, позёвывающая от скуки.

– Только не в этот раз, – уверенно заявил отец, – насколько мне известно, в числе приглашённых немало достойных молодых людей.

– Приятное известие, потому что местные завсегдатаи светских раутов приелись до ужаса.

– Ты просто слишком капризна, молодая леди.

– Не капризна, а избирательна. Я хочу видеть рядом с собой человека, замечательного во многом, а в некоторых моментах даже исключительного. Разве так плохо желать лучшего и не размениваться на недостойных моего внимания?

– Хо-хо, – добродушно затрясся от смеха отец, – иногда мне начинает казаться, что я тебя слишком сильно разбаловал и посеял не те семена, давшие чересчур буйное развитие своим росткам. Нужно говорить «желаю видеть рядом человека достойного», а не «не обращать внимания на недостойных»...

– Какая разница? – пожала плечами Эмилия. – Смысл один и тот же, разве нет?

– У тебя так очаровательно выходит изображать из себя глупышку, что я сделаю вид, будто поверил в твою недогадливость.

– Ты же сам говорил, что не стоит выставять напоказ собственный ум, бахвалясь его остротой?

– Но в то же время и не стоит водить людей за нос, изображая из себя недалёкую пустышку.

Эмилия рассмеялась: иногда болтать с отцом было приятно, мысленно скрещая шпаги, но сегодня ей хотелось развеяться и не забивать голову подобными вопросами. Чересчур хоро-

шая стояла погода этим июльским днём, и в воздухе витал тот особенный аромат, едва учуяв который сразу становится ясно – грядущий день принесёт немало сюрпризов, и, хотелось бы в это верить, приятных.

За ненавязчивой беседой время, проведённое в дороге до усадьбы Томпсонов, пролетело незаметно. Эмилия вылезла из экипажа, с любопытством оглядывая окрестности: в последний раз ей довелось тут бывать ещё зимой, когда всё утопало в снегу. Насколько она могла сейчас заметить, фасад здания обновили, перед ним разбили приветливые лужайки, усадив клумбы цветами, и привели в порядок деревья, придав им опрятный вид.

Видно, Томпсоны очень сильно хотели произвести хорошее впечатление на приезжих гостей: всюду сновала прислуга в кипенно-белых передниках и фартуках, на головах у девушек красовались аккуратные чепчики, а каждый подъезжающий экипаж встречал специально отведённый для этого слуга. Но самое интересное должно было открыться немногим позднее, когда все гости потянутся в сад, расположенный за домом. По словам знающих людей, Томпсоны, значительно улучшившие своё материальное положение, превратили его в образец садового искусства.

Эмилия оглянулась, заметив среди приглашённых некоторые знакомые лица, как, например, близкую приятельницу Анну, уже спешившую ей навстречу. Она улыбнулась ей, приветствуя издали коротким кивком головы, и отвлеклась на молодых людей, кинувшихся уделить внимание Эмили, наперебой сыпавших комплиментами.

Она мило улыбалась, уделяя каждому из них ровно столько внимания, чтобы каждый из них почувствовал себя чуточку польщённым и немного особенным, но всё же не подавая им исключительного права надежды на большее. Когда с приехавшими ухажёрами было окончено, к ней присоединилась приятельница, принявшаяся болтать практически сразу же, стремясь как можно быстрее поделиться с ней информацией. А если быть честным, то просто последними сплетнями: кто уже успел опростоволоситься перед съехавшими гостями, кто чересчур вычурно вырядился или неудачно подобрал аксессуары...

Обычная светская болтовня – едва ли она могла назвать Анну своей близкой подругой. Надо было признать, что таковых у неё попросту не было. Причину для себя она определила уже давно: элементарная зависть со стороны сотоварок, не столь щедро наделённых природной красотой и пользующихся меньшим успехом у противоположного пола. Потому они сбивались в стайки и холодно приветствовали Эмилию, явно принимаясь её обсуждать между собой, стоило ей удалиться на приличное расстояние.

Эмили льстило подобное отношение, она давно научилась оборачивать даже невыгодное положение или брошенное кем-то острое слово в свою пользу. Оттого она сейчас степенно шла по тропинкам с видом победительницы. С отцом она рассталась практически сразу же после приезда – вдвоём они поприветствовали хозяев и разделились, каждый примыкая к своему привычному кругу общения.

Всё же стоило признать, что приём удался на славу – пожалуй, одно из лучших мероприятий этого сезона, на котором ей доводилось побывать. Просторный сад преобразился до неузнаваемости: Томпсоны даже велели вырыть посередине него небольшой искусственный пруд, и сейчас несколько пар забавлялись тем, что переплывали его на небольших лодках, соревнуясь в скорости.

Под приятной тенью деревьев были расставлены небольшие круглые столики, уставленные плетёными корзинами с фруктами, а слуги разносили напитки и лёгкие закуски. Вокруг царил непринуждённая атмосфера лёгкости и праздника. И судя по лицам гостей, словно светящимся от радости, не одна Эмилия так считала.

Оказывается, всё это время Томпсонам выйти на должный уровень мешало не отсутствие вкуса, как раньше считала Эмилия, а банальное отсутствие финансов. Прискорбная несправедливость, тем не менее разрешившаяся. Она поймала себя на мысли, что сейчас другими

глазами посмотрела на супружескую чету Томпсонов и их отпрысков, признавая за ними некие заслуги, которым ранее не придавала значения. Как раз сейчас Томпсон-старший со своим сыном беседовал с незнакомым мужчиной неподалёку от места, где расположилась Эмилия.

– Кто это? – взгляд Эмилии зацепился за высокую поджарую фигуру незнакомого мужчины, стоявшего боком к ним.

С её места хорошо был виден профиль мужчины с острым прямым носом. Тёмные волосы были коротко пострижены, среди людей их круга так коротко никто не стригся. Его короткая стрижка смотрелась почти вызывающе, как и его манера держаться: поза казалась расслабленной, но ей чудилась в этой расслабленности какая-то расчётливость и собранность, готовность мгновенно отреагировать и броситься вперёд. Странные мысли, подумалось ей, с одного-единственного взгляда строить подобные предположения о совершенно незнакомом человеке.

– Ты про Хромого? – мгновенно отозвалась приятельница Эмилии, Анна.

– Про кого? – не поняла Эмилия вопроса Анны, продолжая рассматривать мужчину.

– Про того, на кого ты сейчас смотришь, – хохотнула Анна, обмахиваясь веером.

– Он хромой? – протянула Эмилия, понимая, что разочарование сквозит в её голосе слишком явно, чтобы не быть услышанным и понятым приятельницей.

– Да, – подхватила Анна, обрадовавшись тому, что в этот раз она служит источником информации и сплетен, а не Эмилия.

– А по первому взгляду не скажешь...

– Подожди немного. Начнёт двигаться – сама всё увидишь...

И словно в подтверждение её слов, мужчина коротко кивнул головой, прощаясь с собеседниками, и тронулся с места, направляясь в другую сторону. Анна была права – он хромал, припадая на левую ногу. Стоило признать, что он не волочил за собой ногу, но всё же хромота довольно сильно бросалась в глаза.

Мужчина, словно почувствовав, что служит предметом для обсуждения, поднял глаза и безошибочно определил сплетничающих девиц, вперив в них холодный взгляд: мельком осмотрел Анну, а на Эмилии его взгляд задержался дольше, чем того требовали приличия при беглом осмотре едва знакомого человека. Краска бросилась в лицо, но отводить поспешно взгляд в сторону или опускать глаза она не стала.

Эмилия рассматривала лицо мужчины с интересом, отмечая, что его едва ли можно назвать красивым или даже просто привлекательным: слишком резкие, хищные черты лица, к тому же то ли шрам на лбу, то ли просто он так сильно хмурился. В какой-то момент ей показалось, что он направится напрямик к ней и огорошит каким-нибудь неудобным вопросом, но он прервал зрительный контакт и медленно прошествовал в другую сторону, к группе мужчин, бурно обсуждавших последние политические сплетни.

– Бестактный наглец, – наконец проронила Эмилия, вздыхая с облегчением, едва он повернулся к ним спиной.

– Ещё какой, – возбуждённо прошептала Анна, приближаясь к приятельнице.

Эмилия уловила отчётливый запах пудры, смешанный с ароматом клубники и немного кислым запахом пота, исходящим от Анны, затянутой в тугий корсет и платье из плотной ткани. А всё ради того, чтобы казаться стройнее. Глупышка, с её комплекцией такие уловки не помогут, подумала Эмилия, но всё же прислушалась к подруге, торопливо делящейся с ней сведениями.

Анна болтала много, часто сбиваясь и хихикая, многое сочиняя на ходу, как поняла Эмилия, чтобы сделать свой рассказ наиболее впечатляющим, потому приходилось мгновенно отсеивать расхожие домыслы от доподлинно известных фактов, объединяя их в короткую справку. Максимилиан Ровере, тридцати восьми лет, обладает достаточным состоянием, но, что называется, замарался в ремесле, недостойном аристократа, – занимается поставками вина откуда-то с юга.

В этом городе он скорее гость, чем постоянный житель, чаще всего проездом. Снискал славу отшельника и крайне негостеприимного хозяина, не считающего нужным придерживаться правил приличия и элементарной вежливости. Вдовец, возбуждённо зашептала Анна, причём жена умерла то ли от болезни, то ли от банальной передозировки наркотиками, то ли оттого, что он отравил уродину-жену, присвоив её состояние.

– Это всего лишь слухи или факты? – взгляд Эмилиии против воли отыскал фигуру мужчины и следил за перемещениями Максимилиана по обширной территории сада.

– Про смерть жены? Скажу сразу, что мало кто её видел, он практически не выводил её в свет и держал взаперти. С чего бы, спрашивается? Явно только потому, что она не блистала умом или красотой. А с её смертью явно дело нечисто, так что фигура крайне занимательная, но нежелательная в нашем обществе. Обратила внимание, что он не может подолгу задержаться в обществе ни одной из собранных здесь групп? Его игнорируют.

– Тогда почему он в числе приглашённых? – усмехнулась Эмилия.

– Капитал, связи, – беспечно отозвалась Анна, – говорят, что он является денежным гарантом не одного из ныне присутствующих...

«Всё понятно!» – пронеслось в голове Эмилиии. Зачастую за кажущимся пренебрежением общества стоит банальная зависть. Возможно, многие предпочли бы и вовсе не пересекаться с Максимилианом, но им приходилось это делать, поскольку некоторые находились в зависимости от прихоти эксцентричного мужчины.

Именно так определила его личность для себя Эмилия, переключаясь на других гостей, некоторые из которых были ей незнакомы. Как, например, рослый статный блондин, одетый в светлый костюм песочно-бежевого цвета. Он стоял лицом к подругам, но был увлечён беседой, потому можно было изредка рассматривать его, не опасаясь быть замеченной. Чудо как хорош, с улыбкой подумала Эмилия: классический овал открытого лица, немного пухловатые губы. Улыбка практически не сходила с его лица, освещая его и делая заметными ямочки на щеках. Интересно, какого цвет его глаза? Голубые или зелёные?

– А это Лаэрт Солсбури, – вновь перехватила взгляд Эмилиии Анна, принявшись рассказывать и о нём.

Но здесь уже Анне было практически нечем крыть: Эмилия и сама была наслышана об этом молодом человеке, подававшем большие надежды в политике, пленившем сердце не одной красавицы, но всё ещё не обзаведшимся женой к своим тридцати с небольшим годам. Эмилия была наслышана о Лаэрте, но впервые видела его вживую, наслаждаясь его красотой, чуть отстранённой, как у ангелов на фресках, и какой-то холодной, несмотря на широкую открытую улыбку. Было бы неплохо поближе с ним познакомиться, пронеслось в её голове.

Навряд ли она отдавала себе отчёт в том, стоило это делать или нет и как со стороны выглядело бы их «непреднамеренное знакомство». Но в этот самый момент в её очаровательной головке начал складываться план. Незамысловатый и кое-где шитый белыми нитками. Но там, где ей недостаёт опыта, можно сделать ставку на природную красоту: огромные карие глаза, пухлые красные губки и стройную, тонкую фигурку с волнующими глаз округлостями груди и идеально плавной линией бёдер, подчеркнутых свободно струящимся белым платьем.

Она была красива и пленяла мужчин своей красотой, выглядевшей столь безобидно и кротко, что практически каждый считал своим долгом уберечь её от посягательств других самцов. Не единожды она слышала из мужских уст волнительные и столь желанные для многих представительниц женского пола клятвы в вечной любви, но едва ли многие из них волновали её по-настоящему.

Они лишь тешили самолюбие и приятно будоражили кровь ровно до того момента, когда в воздухе повисало последнее сказанное слово, а на неё устремлялся ожидающий взгляд мужских глаз. Скучно и предсказуемо, впрочем, как и всегда. От поклонников не было отбою, как и тех, кто претендовал на её руку, но своенравная красавица, бывшая единственной и горячо

обожаемой дочерью своего отца, могла сколько угодно в своё удовольствие воротить чудесный носик от завидных женихов. Размениваться по мелочам было не в её стиле, так говорила она самой себе и ждала чего-то необыкновенного, достойного её по всем параметрам. И кажется, что совсем недавно она обнаружила подобного мужчину.

Глава 2. Знакомство

Способ, которым Эмилия вознамерилась познакомиться с Лаэртом Солсбури, был прост до невозможного – нужно было всего лишь попасться ему на глаза, якобы случайно, а дальше в ход пойдёт её красота. Для этого нужно всего лишь было присоединиться к игрокам в волан и непременно сразить наповал желанный объект собственной грацией и очарованием. Сделать это было проще простого – к пушечному неудовольствию большинства девиц, Эмилия была желанным участником практически во всех забавах. Её появление с ракеткой для игры в руках было встречено радостными приветственными возгласами. Пару девиц демонстративно покинули зелёную лужайку, едва на неё ступила нога Эмилии. Девушка улыбнулась – подобное проявление недоброжелательности в итоге всегда играло ей на руку.

– Не хотите ли проиграть, Эмилия? – задорно отозвался Джон, приходившийся кузеном детям Томпсонов.

– Желаю сыграть пару партий, надеясь выиграть, – как можно более невинно отозвалась девушка, отходя на надлежащее расстояние.

– Если хотите, я могу уступить вам свою часть поля. Она выигрышная. Пребывая на ней, я не проиграл ещё ни одной партии.

И лишиться возможности краем глаза наблюдать за группой мужчин, среди которых находился Лаэрт, мысленно усмехнулась Эмилия.

– Благодарю, но уверена, что мне сегодня повезёт больше вашего.

Джон в ответ на это заявление лишь улыбнулся, повертел ракетку и встал на исходную позицию.

– Первый удар ваш, Эмилия.

Что ж, начнём... Нельзя было сказать, что игра в волан была одной из любимых забав Эмилии, но ей многое давалось довольно легко. Что уж говорить о забаве, которую она в глубине души считала детским развлечением, несмотря на то что она считалась привилегией высшего общества. Со стороны девушки, размахивающие ракетками и посылающие друг другу волан со смешками и вскрикиваниями, смотрелись соблазнительно, чего не скажешь о мужчинах, которые придавали чересчур большое значение этой невинной игре. Стоило только посмотреть на сосредоточенное лицо Джона, чтобы понять: проигрывать он не собирался. Азартные существа во всём, даже в подобных мелочах. Иногда так легко было играть на их амбициях...

Расчёт Эмилии был прост – заметив юную прелестницу, Лаэрт, несомненно, примкнёт к игрокам, не преминув свести с ней знакомство. Однако шла уже четвёртая партия игры, в которой верх попеременно одерживали то Джон, то Эмилия, но желанный объект не спешил очаровываться. Странное дело. Эмилия то и дело ловила на себе взгляды прочих мужчин, располагавшихся неподалёку. Но Лаэрт вовсе не замечал её или всё же смотрел, но украдкой, осторожно бросая взоры исподтишка и оставаясь не замеченным в этом?

Поверить в то, что он мог остаться равнодушным к увиденному, она не могла. Разве она не само живое воплощение грации? А с каким изяществом она посылала волан на другой конец лужайки! А румянец, разыгравшийся на щеках от игры и придающий её облику волнующий вид? Неужели всё это могло остаться не замеченным им? Ещё немного – и она потеряет терпение просто потому, что игра уже начинала утомлять её, а Джон вошёл в раж, явно не желая уступать девушке. Раздосадованная Эмилия запустила что есть мочи волан в Джона, а тот отбил его с двойным усердием, забросив его далеко за пределы лужайки.

– Сдаюсь, ваша взяла, – Эмилия откинула прядь, упавшую со лба, недовольно отмечая, что лоб покрылся влажной испариной.

Вот только этого ещё не хватало! Выглядеть словно загнанный скакун, так и не добившись результатов.

– Проигравшая сторона ищет упущенный волан, – самодовольно заявил Джон, приосаниваясь с ракеткой в руках.

«Самодовольный болван и позёр!» – мысленно обозвала его Эмилия, направившись в сторону декоративного кустарника. По её наблюдениям, волан улетел в том направлении. Она оказалась права – перьевой волан угодил в кустарник, застряв среди веток.

– Вот ещё! – обронила она вслух недовольно. Лезть в кустарник, царапая нежную кожу, ей совершенно не хотелось. Пусть сам Джон, если ему так угодно, достаёт предмет своей гордости в знак победы.

– Позвольте избавить вас от этого досадного затруднения, – произнёс незнакомый мужской голос откуда-то сбоку.

Она повернулась, увидев того самого мужчину, о котором так охотно сплетничала её приятельница Анна. Максимилиан Ровере же тем временем, не дожидаясь её ответа, прошёл рядом с ней и ловко вытащил волан, протягивая его девушке.

– Вы играли просто великолепно. Думаю, если бы вам в решающий момент вдруг не надоела игра, вы бы одержали несомненную победу.

Голос мужчины был низким, глубоким, с какой-то странной хрипотцой, временами проскальзывающей в нём. Глаза, необыкновенно светлые для его смуглой кожи и тёмных волос, не таясь в упор разглядывали девушку, словно отмечая все мельчайшие детали её внешности. А Эмилия лишь отметила, что не ошиблась – на лбу мужчины красовался шрам, спускающийся до виска, отчего внешний уголок левого глаза тянулся немного вниз.

– Благодарю, – решила поблагодарить мужчину Эмилия, однако не желая продолжать с ним разговор. Настроение резко испортилось, и хотелось как можно скорее убраться в прохладную тень деревьев с палящего летнего зноя.

– Мы не представлены друг другу должным образом. Неприятное упущение со стороны супружеской четы Томпсонов, обещавших помочь свести знакомство с самыми примечательными людьми вашего городка, – гнул своё мужчина, явно намереваясь задержаться подле девушки как можно дольше.

– Наверяд ли меня можно отнести к числу примечательных личностей, – попыталась отвертеться от назойливого мужчины Эмилия. Однако это не возымело успеха, поскольку мужчина перевёл взгляд куда-то вбок, замечая:

– Вы говорили о многом, но ни разу не обмолвились, что у вас такая замечательная дочь.

– Самым лучшим не хочется делиться ни с кем, – добродушно улыбнулся отец, беря Эмилию под локоть, – наверняка нам стоит примкнуть к обществу, чтобы не походить на небольшую кучку заговорщиков, тайно беседующих в кустах.

Эмилия рассмеялась шутке отца, стараясь, чтобы смех звучал непринуждённо. А мужчина не стал себя утруждать подобным – скупой улыбнулся одними уголками губ. Втроём они направились в обратную сторону, а Максимилиан, до сих пор державший перьевой волан в руках, едва поравнявшись с игроками, просто бросил волан им под ноги, не удосужившись вернуть его должным образом. Поразительное пренебрежение к посторонним, опасно граничащее с прямым оскорблением, изумлённо подумала Эмилия, удивляясь отсутствию манер у мужчины.

– Господа, прошу простить меня за временное отсутствие и позвольте представить вам свою дочь Эмилию.

Отец подошёл с дочерью под руку к группе мужчин. Досада Эмилии развеялась мгновенно, едва она заметила среди присутствующих Лаэрта и внутренне возликовала. Всё же время было потрачено не напрасно, даже несмотря на то что заветную цель она достигла без помощи посторонних лиц. А вернее сказать, одного постороннего, приложившего губы к

тонкой кисти руки, подобно другим мужчинам, ещё не представленным ей. Вот только среди всех прочих он приник к руке губами чуть дольше и сильнее, чем того требовал этикет, смутив её ненадолго.

Эмилия предпочла бы, чтобы таким поцелуем и проникновенным взглядом её наградил Лаэрт, но тот отдал должное, словно не обратив на неё особого внимания, чем поразил девушку до глубины души. Она не привыкла, чтобы к её персоне относились так равнодушно и отстранённо, словно хорошенькая девушка была для него менее интересна, чем скучные разговоры о политике. Раздосадованная, она извинилась перед собравшимися, проронив, что предпочитает иные развлечения, и с парой других девиц, едва не зевавших от скуки, неторопливо направилась прочь, сохраняя на лице невозмутимо выражение.

Только тонкие пальцы то и дело опраивали кружево перчаток, словно желая убедиться, что они всё ещё на месте. Эмилия вместе с приятельницей расположилась на берегу искусственного пруда, наблюдая за забавляющимися парами, лодки которых скользили по прозрачной глади пруда.

– Приём поставлен на широкую ногу, но я настолько утомлена, что желаю поскорее убраться отсюда, – чуть морщась, произнесла Анна, растирая ноющие виски.

В её раннем возрасте она уже страдала от жестоких приступов мигрени, потому рассчитывать на её длительное присутствие не стоило. Скорее всего, самое большое через полчаса извинится перед хозяевами и отправится восвояси, с тоской подумала Эмилия и оказалась права. С отъездом Анны стало ещё тоскливее – приятельница хоть развлекала её сплетнями, а роящиеся рядом знакомые молодые люди надоели ей до ужаса, и она отмахивалась от них, словно от назойливых мух в жаркий полдень. Ещё немного подобного времяпрепровождения – и ей придётся, сказавшись больной, тоже убраться восвояси. А день так хорошо начинался!..

– Вы чем-то расстроены? – один звук этого голоса заставил её сердце пропустить один удар.

– Не самый весёлый приём, – как можно равнодушнее произнесла она, – похоже, большинство предпочитает делать вид, что до сих пор находится на заседании палаты при рассмотрении нового законопроекта. Впрочем, винить гостей мероприятия не стоит, такой тон был задан самими хозяевами...

Эмилия не могла удержаться от колкости, иронизируя над важным видом супружеской четы Томпсонов, невзирая на то что недавно в душе похвалила их за чудесную организацию приёма. Сейчас же её немного пасмурное настроение отбросило тень на восприятие всего окружающего её.

– То есть вы считаете, что призвание большинства присутствующих здесь впервые – это развлекать местные сливки общества? – на губах Лаэрта играла лёгкая улыбка человека, уверенного в собственном превосходстве.

– Я считаю, что каждому занятию есть своё время и место, – парировала она.

– Поразительное благоразумие для юной прекрасной девушки, – в разговор вклинился третий. Лишний, с неудовольствием отметила Эмилия, едва поворачивая голову в сторону Максимилиана, ибо это был он.

– Признаться, ваш отец разогнал нашу дружную компанию, заявив, что он с охотой бы предался иным забавам, нежели чем распитие бренди в обществе ему подобных, если бы не почтенный возраст. И мне кажется, что он прав. Июль не часто балует нас подобной чудесной погодой, стоит ли упускать шанс насладиться приятным времяпрепровождением?

И не давая возможности вставить хотя бы одно слово, спросил:

– Не желаете поучаствовать в соревновании, Эмилия?

Чего бы она на самом деле желала, так это чтобы этот надоедливый мужчина поскорее убрался восвояси, но отчего-то согласно кивнула, протягивая ему руку. Возможно, просто для того, чтобы оставить в дураках Лаэрта или чтобы другие соревнующиеся утёрли нос Макси-

милиану. Она не сомневалась, что прочие участники соревнования, гораздо моложе Максимилиана, оставят далеко позади хромого мужчину среднего возраста. Пусть почувствует себя уязвлённым, может быть, научится вести себя в приличном обществе как подобает.

Очередной заплыв подошёл к концу, и к освободившимся лодкам уже спешили четыре пары, перебрасываясь остротами, грозясь оставить друг друга позади ловить ртом брызги воды, летящие из-под вёсел. Эмилия уселась на скамейку в лодку, расправив платье. На берегу дан был старт – взмах белым платком, и гонка началась. Лодки тронулись с места – все, кроме одной, той самой, в которой сидела Эмилия.

– Хотите прослыть самым никудышным гребцом? – спросила она, слыша лёгкий смех, пробежавшийся по толпе собравшихся поглазеть на соревнование. Как-никак это будет удар прежде всего по её самолюбию. Злые языки завистниц не преминут как следует размусолить эту тему на светских раутах.

– Хочу дать им немного форы, – усмехнулся Максимилиан и только после произнесённой фразы взялся за вёсла, словно нехотя. Эмилия отвернулась, всматриваясь в водную гладь, не желая продолжать разговор, досадуя на себя из-за того, что поддалась минутному порыву и согласилась участвовать в этом дурацком соревновании.

– Похоже, для того чтобы заслужить ваше расположение, мне нужно как следует постараться и как минимум выиграть эту гонку, – беспечно заявил мужчина, налегая на вёсла.

– Речь идёт о вашей репутации, не о моей, – в тон ему отозвалась Эмилия.

– Репутация – это последнее, за что я переживаю, у меня иные приоритеты.

– Какие, например?

– Преследование собственных интересов и комфорт для своей персоны. Неплохо, если они совпадают с мнением общественности. Но если идут в разрез, не вижу смысла отказывать себе в удовольствии.

Он говорил спокойным голосом, дыхание было размеренно и не прерывалось от усилий, даже несмотря на то что он быстро нагонял ушедших вперёд соперников, а через пару мгновений и вовсе обставил одну пару.

«Ловко!» – подумалось Эмилии. Если повезёт, они не явятся последними. Тем временем мужчина играючи обогнал ещё одну лодку, достигнув противоположного берега, и развернул лодку, ни на секунду не переставая грести, так резко, что её крутануло на месте, в то время как другие участники сначала замедляли движение, а потом уже разворачивались на месте. От резкого поворота у девушки в груди подскочило сердце, и поневоле она изо всех сил вцепилась пальцами в борт лодки, опасаясь того, что сможет упасть в воду.

– Я не позволю вам упасть за борт, – поспешил успокоить девушку Максимилиан, от внимания которого не укрылось судорожное движение рук Эмилии.

Они одержат победу – в этом не оставалось никаких сомнений, их лодка ушла далеко вперёд, и как бы остальные ни пытались нагнать лидеров, у них это не получилось. Максимилиан с той же свойственной ему полуулыбкой принял букет победителя и вручил его Эмилии, подводя к собравшимся, спешившим поздравить их пару с триумфально быстрым завершением гонки. Особенно дотошные даже засекли время, наперебой сообщая, что это рекорд.

– А вы не желаете поучаствовать? – вопрос Максимилиана был адресован Лаэрту, находящемуся среди прочих поздравляющих. – Говорят, что вы прекрасно владеете искусством гребли?

– Воздержусь, – отозвался тот, мельком взглянув на Эмилию, – кажется, удача от меня сегодня отвернулась, предпочтя иную гавань.

От услышанных слов сердце Эмилии забилося чуть быстрее, сжавшись от сладкого предвкушения: что это было, тонкий намёк или простая фигура речи?

Глава 3. Приём гостей

Следующим утром, нежась в постели, Эмилия перебирала в памяти чудесные мгновения прошедшего пикника, стараясь не заострять внимания на некоторых досадных мелочах, отмечая их в сторону. Постель нежно-бежевого цвета выгодно оттеняла молочную белизну кожи девушки, а тёмные волосы, разметавшиеся по подушке после сна, придавали её облику слегка небрежный вид. Вставать с постели не хотелось совершенно, несмотря на то что время завтрака миновало уже давно и, скорее всего, она уже не успеет вовремя спуститься к полднику. Так стоит ли торопиться? И не лучше ли провести время в своё удовольствие? Нужно было ещё столько всего обдумать...

И прежде всего свою линию поведения с Лаэртом Солсбури, захватившим её внимание, но не отвечающим ей тем же. Странное дело, даже тот нелюдимый и невоспитанный тип, Максимилиан Ровере, уделил её особе должное внимание, чего не скажешь о золотоволосом красавце Лаэрте. Лучше бы на месте того Максимилиана оказался Лаэрт, с досадой подумала она, испытывая некий дискомфорт оттого, что впервые почувствовала себя немного уязвлённой холодным равнодушием со стороны интересующего её мужчины. Нет, этому не бывать, усмехнулась она про себя, начиная разрабатывать собственный план. Причём уже было ясно, что одним появлением перед ясными голубыми глазами Лаэрта дело не обойдётся. Тут нужно действовать иными методами...

Эмилия сладко потянулась, прогоняя прочь остатки сна. Её энергичная натура жаждала приступить к действиям, не терпя ни минуты промедления. Она даже почувствовала лёгкие признаки голода и позвонила в колокольчик, вызывая прислугу, дала ей приказ принести завтрак в комнату. Дожидаясь, пока принесут завтрак, Эмилия, прохаживаясь по комнате, к своему удивлению, увидела из окна, как во двор съезжаются экипажи, один за другим. Не иначе как отец решил созвать новых знакомых, но забыл предупредить её об этом. Вчера она покинула пикник раньше него, решившего задержаться в компании своих приятелей, и не стала дожидаться его позднего возвращения. Прислуга подтвердила её догадки, передав, что отец просил Эмилию спуститься к обеду.

– Кто съехался по просьбе отца?

Прислуга начала перечислять фамилии, по большей части знакомые Эмилии. Была среди названных имён парочка новых для неё людей, о которых она слышала только из чужих разговоров, но не была знакома с ними лично. Скорее всего, придётся спуститься и провести полчаса или час в их обществе...

– Хорошо, – кивнула она горничной, – можешь приготовить нежно-розовое платье.

Горничная поспешно кинулась исполнять приказ, более не смея делать неуместные замечания. Эмилия усмехнулась про себя: похоже, что горничная всё же поняла оплошность, допущенную ею накануне, и сейчас из кожи вон лезла, чтобы выслужиться перед своей хозяйкой, не желая терять хорошее место. Так-то лучше.

Эмилия вновь подошла к окну, наблюдая за собиравшимися джентльменами и их супругами, заметив среди них того, кого явно не ожидала здесь увидеть. Его безошибочно можно было узнать по лёгкой хромоте. Она застыла, вглядываясь в фигуру Максимилиана. Почему отец решил пригласить и его? Сведений, полученных о нём накануне, было вполне достаточно, чтобы понять – Максимилиан относится к тому типу знакомых, которых терпят лишь из необходимости, но никак не из чувства расположенности к ним. Тем временем мужчина неспешно приближался к дому, оглядывая его фасад. И надо же было ему поднять глаза вверх и увидеть её, застывшую в оконном проёме. Эмилия невольно отпрянула назад, одёргивая тюль, и тут же раздосадовалась на саму себя за оплошность.

– Подожди, – велела она служанке, – можешь не заниматься подготовкой розового платья. Будет достаточно повседневного, а после спускайся вниз и передай отцу, что я чувствую себя утомлённой и останусь у себя.

Горничная молча кивнула головой и мгновенно исполнила приказанное ей, оставив Эмилию на некоторое время в просторной светлой спальне наедине с собой. Отец пару раз спросился о самочувствии дочери: поначалу отправил одного из своих доверенных лиц, после подошёл к её покоям сам, предлагая спуститься вниз, к гостям, всего на пару минут из вежливости. Но она, сославшись на дурное самочувствие, отказалась.

– Дурное самочувствие или дурное настроение? – поинтересовался отец. Дверь, немного приглушающая звуки, не могла скрыть ироничной интонации его голоса. Отец, как никто другой, знал свою дочь и с лёгкостью определял, когда она на самом деле была нездорова, а когда всего лишь использовала мнимую болезнь в качестве благовидного предлога, чтобы отказаться от неприятных обязанностей.

– Мне кажется, эти два понятия столь близки, что не стоит разделять их, – отозвалась Эмилия, досадуя на прозорливость отца.

Отец закашлялся: в последнее время хриплый надсадный кашель донимал его всё сильнее, и Эмилии стало совестно оттого, что она всего лишь приписывает себе признаки болезни, в то время как отцу, по всей видимости, на самом деле нездоровится.

– Хорошо, – голосом более хриплым, чем обычно, произнёс отец. – Я не стану тебя заставлять поступать против твоей воли. Но хотелось бы, чтобы в следующий раз, когда я решу принимать гостей, твоя болезнь не наступила столь внезапно.

Ей ничего не оставалось, кроме как согласиться со словами отца: у его благодушия тоже имелся предел. И не стоило доводить его до того, чтобы ему приходилось высказывать свой норов. Эмилия привела себя в порядок и приказала прислуге отнести чашку ароматного чая в библиотеку, как и входящую корреспонденцию. Как правило, уже на следующее утро после посещения торжественного обеда ожидала стопка приглашений или благодарностей за чудесно проведённое время. Она сама буквально пару дней назад готовила к рассылке стопку подобных же писем, давая приказ доставить их сегодня же утром по ближайшим соседям.

Библиотека располагалась на том же этаже, что и спальня, и она добралась до неё в два счёта, оставшись не замеченной многочисленными гостями, расположившимися по большей части на нижнем этаже дома. С письмами она расправилась довольно быстро, отвечая заранее заготовленными для подобных случаев фразами: вежливо отказывалась, ссылаясь на занятость, если считала приглашение неуместным или недостойным высоты её положения, или принимала приглашение, не забывая отмечать назначенный день и час встречи в своём ежедневнике. А после принялась за чтение, решив восполнить некие пробелы в знании политических нюансов.

Нельзя было назвать её абсолютно несведущей в этом вопросе, но всё же вчера на пикнике были затронуты темы, далёкие от её понимания. А ей хотелось бы выглядеть в глазах Лазрта той самой, которая выглядела бы рядом с ним достойной во всех смыслах этого слова. Чтение было несколько утомительным даже для её бойкого и пытливого ума.

Поневоле она ловила себя на мысли, что её образование в интересующем вопросе было довольно поверхностным: девушкам не полагалось быть разборчивыми в политических нюансах партий, находящихся по разные стороны баррикад. Совсем скоро она поняла, что парой-тройкой вечеров дело не обойдётся и стоит изучить предмет довольно пристально хотя бы для того, чтобы не вымолвить какую-либо непростительную глупость.

По мере чтения она делала пометки на белых листах бумаги, иногда сверяясь со словарём, когда встречала незнакомое ей понятие или то, значение которого она понимала весьма смутно. К тому же пришлось встать на лестницу и тянуться за словарём ненавистной ей латыни. Увесистый томик оттягивал руки тяжестью и наводил ещё большую тоску, потому, прикинув,

что провела в библиотеке часа два, если не больше, Эмилия решила вернуть книги на место и немного передохнуть. Пришлось опять лезть на лестницу, чтобы поставить книги на надлежащее им место. Отец не терпел беспорядка и трепетно относился к этим тиснённым золотом переплёткам, требуя от неё подобного же уважения. И ей в голову бы не пришло бросить все вытащенные ей тома на столе.

– Чудесного дня, Эмилия.

От неожиданности она, стоявшая на лестнице и пытавшаяся поставить книгу на место, вздрогнула, выронив её, и с досадой посмотрела на вошедшего, проникшего в помещение так незаметно, что она не услышала ни шагов, ни звука открывающейся двери. Это был Максимилиан Ровере, затянутый во всё чёрное, словно ворон, с полированной тростью в руках, прихваченной им, вероятно, для того, чтобы не так сильно выделялась хромота.

– Вам не говорили, что подкрадываться незамеченным считается дурным тоном? – она так и осталась стоять на третьей ступеньке лестницы, взирая на мужчину сверху вниз.

– Я не всегда придерживаюсь правил, принятых в обществе.

– Я уже успела отметить эту особенность вашей личности.

– Как и вашей, – одними уголками губ улыбнулся мужчина, медленно подходящий к ней, – вы не стали спускаться к гостям, чтобы отдать должное законом гостеприимства, как то принято.

– Я неважно себя чувствую, – не моргнув глазом соврала Эмилия, – и не хочу портить светскую беседу дурным настроением и самочувствием.

– Вероятно, мигрень? – невинно поинтересовался Максимилиан. Он подошёл совсем близко и, нагнувшись, подобрал оброненную книгу, резко выпрямился, подавая её Эмилии.

– Мне кажется, немного неприличным обсуждать вопросы дурного самочувствия с человеком, не входящим в круг близких знакомых.

Эмилия вернула книгу на положенное ей место и сейчас терпеливо ждала, пока мужчина соизволит отодвинуться в сторону, давая ей возможность спуститься. Но он всё так же неподвижно стоял, опершись о свою трость, пристально рассматривая лицо Эмилии, вгоняя её в краску.

– А мне кажется, что сейчас я нахожусь к вам ближе, чем кто-либо другой из ваших близких друзей, – намеренно сделав ударение на слове «близких», заявил Максимилиан.

– Вы придаёте слишком большое значение физической близости, – недовольно проронила она, осознав, насколько двусмысленно звучит её фраза, только после того, как слова повисли в воздухе.

– Или вы недооцениваете её силу. Порой физическая близость способна связать крепче любых других уз, – он протянул ей руку ладонью вверх, предлагая опереться на неё, чтобы помочь ей спуститься.

Эмилия всё же приняла предложенную помощь, поскольку стоять на лестнице было не так уж удобно. Сухая ладонь была немного шероховатой на ощупь и горячее, словно он был болен лихорадкой, или просто у неё руки замёрзли в прохладной свежести библиотеки, находившейся на теневой стороне дома?

– Похоже, впервые с момента, когда мы были представлены друг другу, выпала возможность поговорить вдали от любопытствующих ушей и завистливых глаз, – мужчина крепко удерживал руку девушки, не разжимая пальцев даже после того, как необходимость в поддержке уже отпала.

– Думаете, в этом есть острая необходимость? – немного потянула ладонь на себя, но, вместо того чтобы отпустить руку, мужчина отставил трость в сторону и накрыл тонкую кисть девушки второй рукой.

– Я ещё не готов ответить на ваш вопрос, насколько остра эта необходимость, но в том, что она имеется, я уверен.

– Вы всегда ведёте себя подобным бестактным образом?

Максимилиан перевернул руку девушки ладонью вверх и принялся водить по мягкой ладони пальцем, постепенно поднимаясь выше к запястью, едва касаясь тонкой белой кожи, вызывая странный трепет от медленного скольжения подушечек пальцев. Эмилия невольно опустила глаза вниз, не в силах вынести пристальный тяжёлый взгляд мужчины. Она даже не могла заставить себя подолгу смотреть на его лицо, а он не отказывал себе в этом удовольствии, рассматривая черты лица девушки.

– А вы всегда прикрываетесь благовидным предлогом, чтобы скрыть истинные намерения и настроение?

– Интересно, какие же? – иронично вздев бровь, спросила она, взглянув всего на мгновение в глаза мужчине, который в это время беззастенчиво разглядывал её губы, словно прикасаясь к ним взором.

– Я могу привести не один пример. Как, например, на вчерашнем пикнике, где я впервые вас увидел. Любите прикидываться простушкой, делая вид, что не смыслите ни единого слова в разговорах о политике, в то время как в вашей очаровательной головке накапливается масса полезной информации. Или когда вы появляетесь в обществе своей приятельницы неказистой внешности, чтобы на её фоне выглядеть ещё более дивным цветком? Я могу продолжать, если захотите...

– Не слишком ли много выводов для второй мимолётной встречи? – отозвалась она, досадуя на его колкие и отчасти правдивые замечания. Или правды в его словах было гораздо больше, чем ей хотелось о том думать?

– За вами очень интересно наблюдать, Эмилия. Очаровательная непосредственность вкупе с дивной красотой и острым умом встречается не так уж часто, чтобы позволять себе упускать шанс...

– Вы забываетесь, – всё же нашла в себе силы придать своему лицу холодное выражение и выдернуть руку из его цепких проворных пальцев, добравшихся уже почти до самого локтя, – и не стоит пытаться меня скомпрометировать, находясь в непозволительной близости.

Она отошла на пару шагов назад, выжидающе глядя на мужчину, предполагая, что тот принесёт свои извинения. Возможно, так поступил бы практически каждый из её круга общения, но только не Максимилиан.

– Вы так боитесь быть скомпрометированной, поскольку считаете меня недостойным претендентом для подобного, или просто потому, что лелеете желание добиться взаимности Лаэрта Солсбури?

Она застыла, как громом поражённая. Неужели её заинтересованность Лаэртом была так заметна? И всё же говорить подобное в лицо незамужней девушке было возмутительно, однако на этом он ещё не закончил:

– Или, может быть, вы просто кокетничаете сейчас со мной, разыгрывая дивное представление на моих глазах, желая большего, чем невинное касание вашей руки? Я почти поверил в вашу искренность...

Одним неумовимым движением мужчина плавно двинулся в её сторону, даже хромота была не столь заметна. Он застыл от неё на расстоянии вытянутой руки и постепенно сокращал даже этот мизер свободного пространства, бросая тень на её тонкую фигуру.

– Вы чересчур самонадеянны для простого торговца вином, Максимилиан Ровере, – всё же ей удалось вонзить шпильку перед тем, как отойти назад на достаточное расстояние, не поворачиваясь к нему спиной.

Отчего-то ей показалось, что подобной ошибки нельзя совершать ни в коем случае, иначе он кинется за ней хищной птицей. Лицо мужчины прорезали глубокие складки, пролёгшие от губ, сжавшихся в узкую презрительную линию.

– А вы смотрите чересчур поверхностно, видя лишь то, что заметно на первый взгляд. Похоже, вы и на самом деле просто красивенькая пустышка, как отзывается о вас драгоценный Лаэрт.

Последнее слово осталось за ним. Уколол пренебрежительной фразой её самолюбие, задев потаённые сладостные мечты, полные светлого восторга от мыслей о возможном союзе с Лаэртом Солсбури, и, усмехаясь, наблюдал за её реакцией. В голову не приходило ни одной путной мысли, чтобы ответить на его насмешку, и она, ограничившись лишь негодующим взором, торопливо покинула помещение библиотеки, скорым шагом направляясь в свои комнаты.

Глава 4. Ставки сделаны

Каков наглец! В голове пульсировала только одна мысль, не дающая ей покоя. Она не могла отвлечься ни на минуту, против воли представляя, как внизу, на первом этаже их дома, передвигается Максимилиан, ходит, немного прихрамывая на одну ногу, постукивая тростью о пол, сидит на тех же креслах, что и она, пьёт и ест из той же посуды и касается руками знакомых и любимых ей предметов, встречается в разговор в неположенном месте с издевательской усмешкой на лице. О, выгнать бы его прочь! Но она сама обрекла себя на добровольное заключение в четырёх стенах просторной светлой спальни, вдруг сжавшейся вокруг неё так, что казалось, в ней совершенно нечем дышать.

И распахнутые настежь окна нисколько не облегчали её участь, донося обрывки музыки и разговоров. Ненавистные минуты тянулись слишком медленно, а гости словно никуда не торопились, засидевшись допоздна. И ей оставалось только надеяться на то, что отец не станет изображать из себя чересчур радушного хозяина, призывая их остаться переночевать.

Дамы явно не согласятся на подобное предложение, боясь предстать поутру перед собравшимися без искусно наложенного макияжа и замысловатых причёсок, а вот мужчины вполне могут и остаться. В особенности Максимилиан. Вполне возможно, просто из вредности... Нет, сидеть на месте она не смогла и, узнав от прислуги, что часть гостей уже начинает разъезжаться, потихоньку спустилась вниз, попросив горничную позвать отца в кабинет.

Она прохаживалась по кабинету отца, невольно робея от строгой обстановки, чувствуя себя совсем малышкой, любившей проскользнуть сюда, когда он работал, склоняясь над счетоводческими книгами. И тогда она, затаив дыхание, смотрела на выражение его лица, млея от причастности к такому важному событию и перебирая тонкими пальчиками кипу листов, исписанных крупным размашистым почерком отца, полных непонятных цифр и слов. Каждый раз, стоило ей остаться наедине с предметами, знакомыми ей с самого детства и словно имеющими над ней власть, она словно переносилась в прошлое.

– Разумеется, Максимилиан. Но я был бы рад побеседовать об этом позднее. А сейчас прошу меня извинить. Кажется, со мной о чём-то хочет переговорить моя дочь...

– Наверняка речь идёт о каком-то важном деле, если оно заставило подняться с постели вашу дочь, чувствующую себя нездоровой. Не стану вас задерживать. И передавайте ей от меня самые лучшие пожелания. Надеюсь, что ей в скором времени значительно полегчает и мы сможем насладиться её обществом.

Проклятие, отец! Обязательно было сообщать всем и каждому, в особенности Максимилиану, о своём разговоре с ней? А в голосе мужчины, звучащем чуть громче, чем то было необходимо, ей слышалась потаённая издёвка, мол, знаю, что стоишь за дверью и прислушиваешься ко всему происходящему. Отец что-то проговорил напоследок, торопливо прощаясь с гостем, и вошёл в кабинет.

– Что-то случилось? – выражение лица было встревоженным, от его внимания явно не ускользнули досада и недовольство, промелькнувшее у Эмилии в глазах.

– Ничего, просто хотела поинтересоваться, останется ли кто-то из гостей у нас переночевать и надо ли мне присутствовать при ваших поздних посиделках?

– Не стоило беспокоиться по этому поводу, – улыбнулся отец в ответ, – из приезжих только Максимилиан Ровере. Но он, похоже, не из тех, кто любит подолгу задерживаться в гостях. Предпочёл вернуться в гостиницу, презрев уют домашнего очага.

Презрение – это всё, чем он наполнен до краёв, едва не сорвалось с её языка, однако она вовремя придержала его за зубами, поболтав с отцом ещё пару минут о мелочах и вернувшись к себе. Уже завтра ей предстояло нанести визит своей приятельнице Анне, которая не преминёт поточевать её новыми сплетнями. Эмилия подошла к окну, глядя на отъезжающие экипажи,

среди которых одним из первых пронёсся к воротам экипаж Максимилиана. А что, если?.. Эмилия, довольная собой, улыбнулась мысли, промелькнувшей в её голове. Да, стоит лишь нажать на нужный рычажок – и всё пойдёт как задумано. И поможет ей в этом длинный язычок Анны, а также её привычка приукрашивать подробности, дабы сразить собеседника...

* * *

– ...Об этом судачат уже все в округе, – возбуждённо шептала Анна на следующий день своей приятельнице, сидящей рядом с ней в лёгкой беседке сада. О, она, как всегда, преувеличивала, навряд ли вчера она успела нанести визит более чем одной или двум своим приятельницам... А те, в свою очередь, могли перемолвиться словечком со своими знакомыми, трезво рассудил внутренний голос Эмили. Пожалуй, Анна была права, в округе теперь только и шептались, что о вчерашнем пикнике и неподобающем поведении Максимилиана. Кто-то заметил их краткий разговор наедине у зарослей декоративных кустарников, некто другой прибавил к этому соревнование на лодке, а третий добавил, что он в числе прочих оказался приглашён на обед к Тиммонсам...

Слухи разрастались, словно снежный ком. И если они ещё не достигли необходимого размера, после сегодняшнего вечера они явно разойдутся куда быстрее. Эмилия не стала опровергать ничего из услышанного ею, старательно изображая смущение и неловкость от обсуждаемой темы, отмечая, каким азартным блеском загораются глаза Анны.

Она, как и большинство девиц, подобных ей, не пользующихся успехом у противоположного пола, живущих довольно скучно и однообразно, находила особое удовольствие в том, чтобы перемывать кости всем остальным, чьи неудачи и взлёты служили предметом обсуждения. Эмилия осторожно попыталась перевести разговор на тему появления в их обществе Лаэрта, и, стараясь не вызвать подозрений, словно бы ненароком повторила фразу, брошенную им на берегу озера.

– О! – округлились глаза и рот Анны, и, смакуя каждое слово, она повторила: – Удача от меня сегодня отвернулась, предпочтя иную гавань? Мне кажется, за этими словами кроется нечто большее, чем просто дань вежливости...

– Ты преувеличиваешь, как всегда, – отмахнулась от слов приятельницы Эмилия, якобы раздосадованная её выводами.

– А мне кажется, что я права, – уверенно заявила приятельница, – тебе стоит больше обращать внимания на его персону, чем проводить время с Хромым.

Вот как, мысленно расхохоталась Эмилия, значит, кумушки-соседушки уже успели сделать далеко идущие выводы. Нет, определённо, в последнее время в их округе не происходило ничего примечательного, если они с таким пылом кинулись обсуждать подобные крохи!

– Понятия не имею, по какой причине Ровере оказался среди приглашённых отцом... Не знала до вчерашнего дня, что отец имеет деловые связи с подобными ему.

– Вполне возможно, что это всего лишь благовидный предлог, – воодушевлённо подхватила Анна, – может быть, его интересы простираются не столько в деловую область...

После сказанной фразы Анна многозначительно посмотрела на Эмилию, раздуваясь от гордости, что якобы приоткрыла ей глаза на столь значительный факт. Прекрасно, всё шло даже лучше, чем можно было предположить! Такая глупышка, её даже не пришлось сильно подталкивать в необходимом направлении... Она всё делала сама и весьма успешно. А если учесть, что, по словам Анны, на сегодняшнем вечере у неё будут присутствовать оба мужчины, которых общество без их ведома столкнуло лбами на поприще пересекающихся интересов...

Родители Анны были весьма состоятельными и уважаемыми людьми в обществе, и на приёме у них всегда собиралось довольно много интересных лиц. Нынешний вечер не стал

исключением. Едва переступив порог поместья, Эмилия окунулась в водоворот знакомых лиц, ярких вечерних платьев и света множества свечей, расставленных повсюду.

Из общего гула толпы было сложно выделить чей-то отдельный голос, оставалось лишь плыть по течению, раздавая улыбки налево и направо, приветствуя знакомых и принимая комплименты. В то время как многие дамы предпочитали увешиваться тяжёлыми ожерельями из драгоценных камней в несколько рядов, Эмилия поступила совсем иначе: её нежно-бежевое платье чудесно сидело на фигуре, а лиф платья был расшит полудрагоценными и драгоценными камнями, мягко переливающимися в свете свечей. Шея и плечи были открыты, а в соблазнительном декольте покоился аккуратный кулон с бриллиантом в форме капельки. Заметив изда-лека пышную фигуру приятельницы, Эмилия двинулась напрямик к ней.

– Ты вовремя, – склоняясь к ней, прошептала Анна, – твоё появление не осталось незамеченным. Завистницы уже начали обсуждать необычный фасон платья и его вызывающую простоту.

– Мне кажется, они просто завидуют, что стоимость моего платья гораздо больше, чем всё надетое на них, включая драгоценности.

Приятельница рассмеялась, сосредотачивая внимание на Эмилии, не забывая при этом стрелять глазами по сторонам, подмечая детали, которые она тут же пересказывала подруге.

– А вот и Лаэрт...

Эмилия едва повернула голову в сторону, краем глаза замечая высокую, статную фигуру золотоволосого красавца, приковавшую к себе взгляды большинства присутствующих. Эмилия отвернулась с делано-равнодушным видом и продолжила прерванный разговор с Анной.

– Позвольте засвидетельствовать своё почтение, – донёсся до неё его мелодичный голос спустя некоторое время. Она позволила себе немного помедлить, прежде чем повернулась и с улыбкой посмотрела на подошедшего к ней Лаэрта.

– Чудесный вечер, не правда ли? – попытался завести разговор он, едва отпустил протянутую ему кисть для поцелуя.

– Возможно, для общества нашего уровня вечер и вправду чудесный, но вам, привыкшему к забавам иного рода, здесь может показаться довольно скучно.

Небольшой укол сопровождался милейшей улыбкой на её губах.

– Я быстро адаптируюсь, – ослепительно улыбнувшись, заявил Лаэрт.

Трудно было удержаться от того, чтобы не растянуть губы в такой же широкой улыбке ему в ответ. И ей каким-то чудом удалось это сделать, тут же переводя взгляд в сторону, якобы она не находила его общество желанным, и поспешила обратиться с пустяковым вопросом к Анне. Лаэрту ничего не оставалось, кроме как попытаться отделаться парой шуток и примкнуть к группе других мужчин.

– Между прочим, это самый завидный холостяк во всей округе, – невзначай заметила Анна.

– И что с того? – фыркнула Эмилия. – Из элементарной вежливости мне нужно делать вид, будто он интересует меня столь же сильно?

– Я бы не стала упускать такого шанса...

Кто знал, что шанс упущен? Игра только началась. И если хотя бы часть слухов о Лаэрте верна, этот честолюбивый красавец не упустит возможность завоевать взаимность самой желанной девушки.

– Кстати, почему он до сих пор холост? – невинно спросила Эмилия. – Может, он неопытен в делах сердечных?

– Исключено. Я недавно разговаривала с одной дамой, которой удалось застать в его объятиях одну оскандалившуюся вдову, туалет которой был в явном беспорядке...

– И что стало с той вдовой?

– Её репутация уже была испорчена задолго до того, так что она вполне могла себе позволить ещё одну интрижку. Что же касается Лаэрта, для него подобные слухи лишь на пользу.

Вот, значит, как... Молод, хорош собой, холост, подаёт большие надежды в политике – щёлкали одна за другой костяшки счетов, повышая ценность Лаэрта в глазах не только Эмилии, но и доброй половины женского общества.

Наверняка некоторые мамашки уже похлопотали о том, чтобы пригласить его на чай или даже на званый ужин. Лёгкая досада сменилась усмешкой. А я вот поступлю с точностью до наоборот, подумала Эмилия, обращая внимание на подошедшего к ней мужчину, пригласившего на танец. Танцевать она любила, отдавалась этому занятию целиком и полностью, растворяясь в музыке и лёгких па, делающих её по-настоящему счастливой и полной жизни. Глаза начинали сверкать ещё ярче, а на щеках начинал играть волнительный румянец. И если бы позволяли приличия, она бы весь вечер кружилась в танце, сменяя лишь партнёров, одного за другим. Но нужно было отдать должное и хозяевам дома, распорядившимся тем, как именно протекает вечер.

Гости потянулись к столам с выпивкой, пробуя разлитое по бокалам спиртное, а после разделились на несколько групп по интересам. Кто-то из гостей предложил Анне сыграть на фортепиано, поначалу она отказывалась, но всё же уступила просьбам и села за инструмент, заставив всех замолкнуть в ожидании момента, когда из-под её пальцев заструится музыка.

Анна всегда преображалась, играя на фортепиано. Её пышная фигура переставала отвлекать внимание, и, казалось, она тоже преисполнялась неким воодушевлением и чувством прекрасного, как и её лицо, становившееся гораздо более красивым. Она словно околдовывала гостей, играя с чувством даже самые расхожие и избитые мелодии, придавая им глубину и новое звучание, на которое невозможно было не откликнуться. Так и сейчас, слушая музыку, Эмилия чувствовала, что сердце сладко замирает на мгновение и словно приподнимается ввысь.

– Вот уж не думал, что вы способны сопереживать музыке столь сильно, – раздался над ухом голос, заставивший её вздрогнуть.

– Вы всегда подкрадываетесь исподтишка? – Эмилия повернула голову к Максимилиану.

– Только к вам и только надеясь застать врасплох.

– Что ж, вам это хорошо удаётся, – пришлось признать Эмилии.

Очарование момента пропало, и ей ничего не оставалось, как переключить своё внимание на мужчину, стоявшего рядом, опиравшегося на свою трость. На этот раз он изменил своей любви к чёрному, облачившись в тёмно-серый костюм с синей рубашкой. Светлые глаза Максимилиана, как всегда, смотрели пристально, а в тёмных зрачках отражалось пламя свечей, придававшее им какой-то демонический блеск.

– А вы не играете, Эмилия?

Эмилия стояла позади толпы собравшихся в этой зале, присоединившись к ним в последнюю очередь, а Максимилиан, очевидно, двинулся следом за ней. Потому сейчас они могли беседовать за спинами собравшихся, не опасаясь косых взглядов. Он говорил вполголоса, и ей пришлось сделать то же самое, чтобы не привлекать излишнего внимания остальных посторонними разговорами.

– Играю. Но не стану этого делать.

– Потому что боитесь выглядеть провально после подобного выступления вашей приятельницы?

– А вы всегда задаёте не те вопросы, какие следует?

– Что, по-вашему, я должен был спросить или сказать вам? Завести разговор о погоде или ценах на сырьё? Думаете, я этим ещё не сыт по горло и мне интересно в сотый раз на дню слышать одно и то же, но из разных уст? Тем более что от вас хочется услышать нечто иное.

– Что же, например?

– Удивите меня, – усмехнулся мужчина.

Эмилия едва не расхохоталась, он слишком быстро перехватил инициативу. И стоило признать, что с самого начала она принадлежала только ему.

– Зачем вам трость?

– Разве это не очевидно?

– Я спрашиваю не об очевидном, а о том, зачем вам она? Не думаю, что при помощи неё вы пытаетесь уменьшить хромоту. Навряд ли вас волнует мнение общественности на этот счёт.

– Может быть, я пытаюсь выглядеть более презентабельно вместе с ней не в глазах большинства, а всего лишь в одной известной паре глаз? – лёгкая ироничная усмешка без привычной презрительности изогнула губы Максимилиана, словно он иронизировал не столько над Эмилией, сколько над самим собой.

– Сомнительный способ, может быть, даже вовсе не результативный.

– Вы рвёте мне сердце в клочья, не думал, что за столь обаятельной внешностью скрывается подобная жестокость.

– Кажется, ещё вчера вы желали услышать нечто искреннее? А сегодня уже напрашиваетесь на комплименты, как заправская кокетка?

– Не думаю, что сейчас вы абсолютно искренни со мной. Наверное, вам не знакомо, каково это – отринуть в сторону шелуху воспитания и открыто заявить о своих желаниях.

– Вы так хорошо разбираетесь в человеческой природе или просто тыкаете пальцем в небо, пытаясь попасть в цель?

– Как вам такая попытка? – он наклонился, отдавая теплом дыхания изящную раковину уха. – Единственное, чего вам хочется сейчас, – это просто танцевать, неважно с кем. Ловить телом ритм танца, отдаваясь на волю этого пылкого любовника, единственного, кто волнует вас по-настоящему сильно. Я наблюдал за вами. Вам нет никакого дела до того, чьи руки держат вас за талию и чьи глаза жадно скользят по линии губ и шеи. Для вас важно лишь то, чтобы партнёр был ловок или по меньшей мере не путался под ногами. Потрясающий и волнующий эгоизм...

Ничем не прикрытая откровенность его слов и горячее дыхание заставляли волноваться, поневоле млеть от жаркого шёпота и запаха его парфюма, едва уловимого. Эмилия могла бы поспорить, что и сейчас он немного улыбается своим словам и её реакции на его близость, угадывая волнение без малейших сомнений. И что самое главное, она даже не пыталась скрыть этого, позволяя ему видеть и чувствовать, обольщать и обольщаться самому. Главное – не переступить черту, шагнув за неё слишком далеко...

За его словами повисла тишина, а мгновение спустя раздались первые аплодисменты. Эмилия словно очнулась от сна, понимая, что Анна наконец закончила играть и сейчас собравшиеся отдадут должное её таланту. Она поспешила присоединиться к ним, отходя на пару шагов в сторону от Максимилиана. Достаточно... решила она.

Однако, похоже, что он не разделял её мнения, вновь становясь рядом с ней и не отходя даже тогда, когда она начала беседовать с кем-то из знакомых. Следовал за ней тенью, иногда позволяя себе вставить в разговор пару реплик. Подобная настойчивость явно не входила в её планы. Она хотела лишь немного раззадорить его и поддеть, но никак не создавать видимость тесного общения. И надо было избавиться от его постоянного присутствия. После пары десятков минут вновь заиграла лёгкая музыка, и она обратилась к нему с улыбкой:

– А знаете, вы были правы. Мне по-настоящему нравится танцевать. Может быть, пригласите на танец? – лёгкая, призывная улыбка на губах и красноречивый взгляд. Максимилиан же отрицательно покачал головой:

– Увы, не танцую. Если только вы не желаете, чтобы моя третья нога отдавила вам пальцы.

Эмилия расстроено протянула:

– Жаль, – и тут же добавила вполголоса: – Кажется, я понимаю, отчего умерла ваша жена. Она просто зачахла от тоски рядом с таким чёрствым и скучным мужчиной.

Глаза Максимилиана в ответ полыхнули негодованием, а пальцы, лежавшие на трости, стиснули её набалдашник так, что побелели костяшки пальцев. Эмилия развернулась и отошла от него, застывшего без движения.

– Говорят, вы неплохо танцуете? – мягкий голос Лаэрта донёсся сбоку. Голубые глаза были устремлены на её лицо, всё ещё полное триумфа.

– Не знаю даже, что вам ответить. Может, для вас мои способности покажутся более чем скромными.

– И всё же я рискну.

Эмилия согласилась и, когда на талию легла рука Лаэрта, притягивая её к себе, едва не растаяла от радости. Вёл Лаэрт замечательно, в его умелых движениях чувствовался немалый опыт и то самое чувство ритма, которое знакомо не каждому. Не нужно было думать и заботиться ни о чём. Как там говорил Максимилиан? Ловить телом ритм танца, отдаваясь на волю этого пылкого любовника, единственного, кто волнует по-настоящему сильно? Она улыбнулась, прикрывая глаза и давая себе раствориться полностью в сладком вихре, в котором, кроме музыки и неё, не было никого, даже Лаэрта.

Глава 5. Первый шаг

– Я хотел созвать гостей, – объявил Эдвард Тиммонс за завтраком, – был бы рад, если бы ты занялась рассылкой приглашений.

– Хорошо, отец. Может, обсудим список конкретных персон?

– Я уже составил его, моя дорогая. Пройдём после завтрака в мой кабинет и обсудим некоторые нюансы.

– Есть что-то необыкновенное? – удивлённо воздела брови вверх Эмилия.

– Нет, ничего такого, что мы не обсуждали с тобой ранее, – улыбнулся отец.

Однако удивил её новостью: глава семейства Томпсонов, устроивший совсем недавно отличный приём, обмолвился парой фраз с Эдвардом о возможном браке Эмилии и его старшего сына.

– Разумеется, нет, – отрезала Эмилия.

– Это всего лишь разговор, ни к чему не обязывающий. Но я бы посоветовал тебе приглядеться к Тому.

– Том Томпсон, – фыркнула Эмилия, – лучше не придумашь. Нет, отец... Во-первых, начнём с того, что они всего лишь недавно поправили своё положение и нет никакой гарантии, что это не кратковременный взлёт. Хотелось бы тебе, чтобы потом я была женой обедневшего отпрыска рода Томпсонов?

– Ты преувеличиваешь. Мы достаточно состоятельны. Ты не останешься с пустыми руками в любом случае. К тому же Том сейчас подаёт надежды в политике. Кто-то даже прочит ему вхожест в кабинет при парламенте.

– Мало ли других мужчин, добившихся подобных же высот? На самом деле, отец, я всего лишь пытаюсь сказать тебе, что желала бы видеть в супругах того, к кому тянется сердце...

– И я желал бы тебе того же, моя дорогая. Но всё же приглядишься к Тому. Он человек достойный во многих отношениях, а в своей жене будет души не чаять.

Мне этого мало, отчётливо подумала Эмилия. Она и сама желала быть расположенной к супругу, а не только принимать знаки внимания. Глаза девушки быстро пробегались по списку, составленному её отцом. Надо же, про Лаэрта он не забыл... А вот Максимилиана в списке не было.

– А как же Хромой? – невольно вырвалось у неё.

– Эмилия, – строго одёрнул её отец, – негоже высмеивать физические недостатки. Это всё равно что обозвать твою приятельницу пышнотелой.

– Извини... Но мне казалось, я слышала, как вы собираетесь обсуждать с ним какие-то вопросы сотрудничества?

– Ровере? – усмехнулся отец и подался вперёд. – Чем обусловлен твой интерес к его персоне, Эмилия? Неужели только моими делами? Значит, Томпсон тебе не по душе, а этого нелюдимога наглеца ты готова привечать в нашем доме?

Лицо Эмилии вспыхнуло от досады. Отец не знал об истинных причинах её интереса к нему и выдвинул свои предположения.

– Не самый подходящий кандидат для тесного знакомства, – покачал головой отец, – слишком напорист и не считается с условностями. Он вдвое старше тебя, моя дорогая. Разумно ли увлекаться подобными мужчинами?

– Отец!..

– погоди. Я не договорил. Дело даже не в его нарочито небрежном поведении. Не в его происхождении, уступающем нашему. Да, у него есть какое-никакое имя. И у него есть состояние, побольше нашего, хотя по нему и не скажешь. Дело в том, что он – чужак. О семье Ровере мало кто был наслышан до его появления в наших краях. Он пришлый и чуждый. А я, уходя на

покой, хотел бы быть уверенным, что моя девочка находится среди людей, близких и понятных её натуре.

– Отец! Ты неверно всё истолковал. О боже, нет. Я не заинтересована в сведении с ним близкого знакомства, но имела неосторожность ответить ему довольно резко. И всего лишь переживаю, как бы это не сказалось на твоих деловых отношениях.

– Вот это было крайне неразумно с твоей стороны, Эмилия. Держись подальше от подобных мужчин. Играть с ними опасно, как и позволять себе бросаться лишними словами.

Эдвард Тиммонс немного помолчал, ослабил шейный галстук и вымолвил:

– Хорошо. Пригласим и его. Составь приглашения и отдай приказ прислуге разослать их.

* * *

Приглашения были разосланы. На большинство из них ответили сразу же, не откладывая дело в долгий ящик. Пришло и письмо от Лаэрта, написанное столь изящным и аккуратным почерком, словно буквы и слова выписывала женская рука. Или будто бы Лаэрт долго упражнялся в искусстве каллиграфии, в котором добился успеха. Эмилия перечитывала раз за разом строки обыкновенно вежливого ответа, мало чем отличающегося от прочих других, отыскивая в нём малейшие признаки хотя бы какого-нибудь расположения. В то время как воображение рисовало фривольную картину. Кабинет, выполненный в бежевых тонах, залитый солнечным светом, голова с золотистыми локонами склонена над бумагой. Белая просторная рубаша растёгнута на груди...

Эмилия вздохнула чуть глубже, откладывая письмо Лаэрта, и развернула непритязательный конверт из шероховатой серой бумаги, без имени отправителя. Изящные пальчики девушки надрезали конверт острым лезвием ножа. Внутри него не было ничего. Какая глупая шутка!.. И вдруг она заметила на внутренней поверхности конверта надпись. Отправитель не удосужился даже вложить отдельный лист, схватил первый попавшийся клочок низкосортной бумаги, наспех набросал послание и отправил, запечатав кое-как. Кривые размашистые буквы, вдавленные в бумагу, гласили одно-единственное «Нет», а ниже инициалы М. Р. Лицо полыхнуло краской стыда и недовольства. Нет? Что значит «нет»?..

Рука сама потянулась за новым конвертом и застыла над листом бумаги, желая выплеснуть что-то ядовитое и столь же пренебрежительное в ответ, но тут же остыла. Она обвела пальчиком острые кривые буквы и аккуратно положила письмо в ящик стола. Это ещё не значит ровным счётом ничего. Вскоре он будет есть у неё из рук, моля о большем, чем простое касание пальцев. Нужно всего лишь подзадорить его, дав приблизиться, а затем оттолкнуть, но удерживать достаточно близко, чтобы наглец не сорвался с крючка. Кажется, краем уха она слышала, что он в числе прочих важных лиц будет присутствовать на открытии нового парка? Чудесно. И погода для подобной прогулки самая подходящая.

Эмилия опоздала к открытию. Намеренно. Она не собиралась выслушивать напыщенную речь местного градоуправителя и степенно распивать прохладительные напитки. Экипаж остановился у парка в тот самый момент, когда поздравительные речи были произнесены, а основное торжество уже плавно расползлось на весь парк, сосредоточившись то там, то здесь. Мягкие лучи закатного солнца подсвечивали всё приятным жёлтым и соблазнительно играли на драгоценностях, коими были украшены шейки местных прелестниц. Знакомые лица встречались неизбежно, Эмилия перебрасывалась парой фраз, ища тем временем глазами ту компанию, в которой она могла бы пересечься с Максимилианом. К счастью, долго искать не пришлось.

Какая удача быть хорошенькой – мужчины сами искали её общества. К ней подошёл Том Томпсон. На лице Эмилии расцвела улыбка – она вспомнила разговор с отцом, в то время как Том принял её на свой счёт и, польщённый вниманием, начал заливаться соловьём. Долговязый, с рыжеватой шевелюрой и простым незапоминающимся лицом. Возможно, отец был

прав – подобный простак души бы в ней не чаял. Но с ним было так... пресно. Его речь и не совсем удачные шутки навевали тоску, как и сейчас. Эмилия поймала себя на мысли, что предпочла бы перебрасываться ядовитыми фразами с Максимилианом, чем чахнуть от тоски рядом с Томом...

А вот и сам Максимилиан. Он стоит немного поодаль с таким угрюмым выражением лица, словно находится на похоронах. Губы, сжатые в узкую линию, и тяжёлый взгляд добавляли возраста его лицу, поневоле хотелось перевести взгляд на лицо иного собеседника, чей облик более располагал бы к себе. Но Максимилиан, похоже, не утруждал себя задачей понравиться окружающим. Мужчина изредка бросал фразы, такие же едкие и неприятные, как и он сам. И этого насупившегося чёрного ворона она собирается расположить к себе? Она едва уже было не отказалась от своей глупой затеи, как вдруг он почувствовал её взгляд. Светлые глаза поймали её и разглядывали не таясь. Лёгкая полуулыбка, полуусмешка тронула губы. Проклятие! Вынести его взгляд было непросто... Он въедался в кожу и разливался по ней, начинавшей гореть в ответ.

– ...Вы осматривали новый сквер?

Бедняга Том! Так и крутился неподалёку. Ему было невдомёк, что его присутствие лишь терпят – не более того.

– Ещё не бывала там. Благодарю, Том, за вашу приятную компанию, но вынуждена покинуть ваше общество. Отец решил созвать гостей – и мне следует подготовиться к завтрашнему приёму. Вы помните, что и вы в числе приглашённых?

– Разумеется, Эмилия. Я непременно буду у вас.

Том подумал, что она решила лично напомнить ему о приглашении. Как бы он не активизировался со своими происками насчёт женитьбы, обеспокоенно подумала Эмилия, удаляясь прочь, не преминув, однако, ещё раз взглянуть на Максимилиана. Она неторопливо удалялась по дорожке и свернула на одну из аллей, замедляя шаг. Не болван же он, в конце концов. Должен понять ясные намёки... Однако эта аллея не пользовалась популярностью – она ещё не была до конца оформлена, и кроме звука её шагов не раздавалось ничего. Тщетно она пыталась уловить краем уха характерное постукивание трости – ничего. Раздосадованная, она развернулась и поспешила прочь, едва не налетев на мужчину, который словно поджидал её за поворотом. Сильные руки мгновенно придержали отпрянувшую было девушку.

– А вы нетерпеливы, Эмилия.

– Может быть, это вы чересчур нерасторопны?

– Я размышлял, означает ли прицельный огонь глазами приглашение последовать за вами. Помнится, давеча вы были не настроены продолжать знакомство. Что изменилось?

– Может быть, ничего. За исключением того, что не стоило говорить с вами так резко? – проронила Эмилия. Максимилиан предложил свой локоть, на который она, слегка робея, положила руку. Едва лёгкого касания хватало, чтобы оценить, как сильны были его руки – не бугристыми мышцами, но словно скрученные из тугих жил, ощущающихся словно железные даже через плотную ткань.

– Не стоило утруждать себя. Если всё, что вы хотели сказать, – это ничего не значащая светская болтовня.

– Не только.

– Вот как? – быстрый взгляд и промелькнувший огонёк интереса ввёл её в краску.

– Не хотелось бы, чтобы портились деловые отношения отца из-за недоразумения.

– Эми-и-и-лия, – разочарованно протянул Максимилиан, – а всё так чудесно начиналось. Говорящие взгляды, порозовевшее личико, приглашение пройти в безлюдное укромное местечко. Я уже было начал считать себя героем романа, одним из тех, что вы наверняка зачитываетесь перед сном, лёжа в кровати...

– Я не читаю подобные романы, – слегка улыбнулась Эмилия, – возможно, меня слегка терзает совесть, не давая уснуть. Не стоит говорить об утратах в столь пренебрежительном тоне. У каждого есть свои потери. И нужно относиться к ним с пониманием, если только не хочется, чтобы укус ответного жала был бы так же ядовит.

– Я польщён, что вы думали обо мне перед сном, – упорно гнул своё Максимилиан, – и если вы пришли сюда из опасений, что своими глупыми словами расстроили сделку с вашим отцом, могли бы не беспокоиться. Я не мешаю личные и деловые отношения. Я не отказался бы от сулящей выгоды, даже если бы вы вылили мне на голову содержимое ночного горшка.

Эмилия, не выдержав, громко расхохоталась. Вполне возможно, что он именно этого и заслуживал.

– Я хотел бы услышать это снова.

– Что? – недоуменно перевела взгляд Эмилия.

– Ваш смех. Непринуждённый, звонкий, лишённый налёта светского лоска и жеманства.

Словно очнувшись, Эмилия только сейчас заметила, что они дошли до самого конца аллеи – с этой стороны лишь густая, ещё не приведённая в порядок поросль кустарников. И сумерки мягко ложатся на всё вокруг, затемняя предметы, одежду и лицо Максимилиана, незаметно приблизившегося больше, чем то позволяло короткое знакомство.

На какой-то миг ей показалось, что совершит сейчас нечто из ряда вон выходящее, но мужчина лишь сжал кисть руки и медленно поднёс её к губам, целуя поочерёдно пальцы. Лучше бы он этого не делал – пять поцелуев вместо одного, наполненных потрясающей чувственностью и соблазном. Он не просто касался пальцев едва уловимо – прижимался на долгие секунды, обжигая кожу, не сводя взгляда.

– Хорошо, – наконец вымолвил он, – я приду. Но помните, вы сами этого пожелали. И позвольте вас проводить. Ровно до того поворота, не дальше. Вы же так боитесь быть скомпрометированной.

Глава 6. Внезапное сближение

Званный вечер удался на славу. В доме поместья Эдварда Тиммонса было зажжено столько свечей, что их количеством можно было прогнать и ночную тьму, сгустившуюся за окном. Мужчины распивали бренди, держа в руках толстые, привезённые издалека сигары, то и дело переходя от обсуждения деловых вопросов к шуткам и остротам. Смех взметался в воздух снопом ярких искр и, поднимая настроение собравшимся, гнал их дальше, к иным развлечениям.

Дамы сверкали многочисленными комплектами украшений и скользили по паркету так плавно и загадочно, словно сошли с полотен великих мастеров. Эмилия, как хозяйка вечера, пользовалась повышенным вниманием. И со стороны прилипшего, словно пиявка, Тома Томпсона в том числе. Он чаще прочих просил станцевать с ним и, похоже, вызвался дежурить у её ног, словно собачонка, восторженно разглядывая красавицу.

Того и гляди прильнёт к ноге и попросит почесать за ушком. К пущему неудовольствию Эмилии, один из элементов разработанного плана отсутствовал. Нарочно проигнорировал или отыгрывался за её колкость? Радовало лишь присутствие Лаэрта, который время от времени уделял внимание хозяйке, но не больше чем то было необходимо.

Проклятие!.. Минуты утекали сквозь пальцы, время перевалило за полночь. И всё настолько осточертело, что Эмилия, воспользовавшись мнимым предлогом, покинула шумную залу, прошествовав на половину дома, утопавшую в темноте. Здесь в основном располагались комнаты для гостей, редко используемые, и помещения для слуг. Эмилия приложила ладонь к разгорячённому лбу – душно до дурноты. И поспешила выйти на свежий воздух, через чёрный ход. Впереди метнулась невысокая юркая тень, промчавшись мимо. Эмилия вздрогнула от испуга и приготовилась закричать, но тут же услышала мягкий голос:

– Не бойтесь, это всего лишь Ранджит.

– Лаэрт? – изумлённо спросила Эмилия. Она была так раздосадована, что даже не заметила отсутствия Лаэрта в зале немногим ранее. – Что вы здесь делаете?

– Искал своего мальчишку-посыльного.

Глаза уже немного привыкли к темноте. И Эмилия смогла узнать в тщедушной тени смуглого индийского мальчика, прислуживающего Лаэрту.

– Он плохо вышколен? – осведомилась Эмилия.

– Маленький дикарь, – улыбнулся Лаэрт, – способный и расторопный, иногда даже чересчур. Я велел ему находиться возле экипажа, но не нашёл его, когда понадобилось отправить его с поручением... Поганец ускользнул трепаться с прочими слугами.

– Ступай, – махнул рукой Лаэрт мальчугану и, по всей видимости, повторил ту же фразу на индийском. Паренёк поклонился и торопливо покинул комнату.

– А вы? Что здесь делаете вы? Разве не должны блистать в окружении общества?

Эмилия и Лаэрт вышли на двор, освещённый одним фонарём. Девушка посмотрела на мужчину, отметив каким возбуждённым блеском блестят его глаза, и удивилась этому новому выражению.

– Немного утомилась.

Поневоле она залюбовалась Лаэртом, скользя взглядом по его фигуре. Непривычно было только то, что сейчас с него будто сняли налёт лоска, придав небрежности в одежде, или в ночное время всё выглядело слегка иначе? Он перехватил её взгляд и резко сократил расстояние между ними, взяв ладонь в свои руки и притянув девушку к себе. Она не ожидала от него подобной горячности – ведь его прежнее поведение не давало надежды. Но сейчас она оказалась зажатой в его объятиях и чувствовала его дыхание, пахнувшее какими-то пряностями и табаком. Губы мужчины коснулись её щеки, а затем он поспешно отпрянул, пробормотав:

– Извините. Кажется, что мне на сегодня достаточно бренди.

Фигура Лаэрта растворилась в темноте, поспешно удаляясь. А Эмилия застыла на несколько мгновений, как громом поражённая, гадая, что это было. Она развернулась и пошла за Лаэртом, едва ли не по пятам. И внезапно наткнулась на того, кого меньше всего сейчас хотела бы видеть. Том Томпсон, притаившись за углом, смотрел вслед Лаэрту и, услышав шаги девушки, изумлённо вскинул на неё свои глаза.

– Эмилия? – растерянно спросил он, глядя на её покрасневшее лицо, потом перевёл взгляд вглубь коридора, куда ушёл Лаэрт. – Вы и?..

– Не стоит делать такое выражение лица, Том. Вы не увидели ничего предосудительного!

Наверняка она ответила слишком резко. А бедняга Том пошёл красными пятнами и остался стоять на месте. Но что он сам делал в этой части дома? Крался за ней по пятам?..

Взгляд Эмилии остаток вечера то и дело устремлялся на Лаэрта, который будто ни в чём не бывало беседовал с парой девиц, приглашённых на вечер. И судя по их кокетливым улыбкам и смущённым смешкам, разговор был несколько фривольным. Как это понимать? Эмилия едва высидела до конца вечера и, раздосадованная, поспешно скинула с себя вечерний туалет, устало рухнув на кровать.

И лишь утром она увидела на своём туалетном столике конверт с краткой запиской внутри: «Прошу меня простить. Вынужден был отсутствовать. Примите в качестве моих извинений данное приглашение». Без подписи. Но почерк был настолько коряв и малоразборчив, что его можно было узнать из тысячи – вновь Ровере даёт о себе знать.

– Роза, – кликнула Эмилия служанку, – когда доставили письмо?

– Ещё вчера. Вы уже были на вечере, не решились вас беспокоить.

* * *

И всё же Том Томпсон не умел держать язык за зубами. Уже через день, сидя на веранде у приятельницы Анны, Эмилия выслушивала интересную версию произошедшего. По округе разнеслась молва, что Лаэрт активно, очень активно ухлёстывает за Эмилией. Эти слухи выросли на почве тех, что запустила сама Эмилия при помощи Анны.

– Болтун! – искренне возмутилась Эмилия. – Крался за мной, как тать, и несёт всякий вздор!

– Ты о ком?

– О старшем отпрыске Томпсонов. Эта собачонка едва ли не носки моих туфель облизывала. На что только надеется, а сейчас распускает слухи...

– Он всего лишь поделился переживаниями с другом, а тот со своей любовницей...

– О да! И теперь обо мне болтают как о девице, зажимающейся по тёмным углам? Ему привиделось слишком многое...

– Эмилия, возможно, просто ты не замечаешь очевидного, – возразила Анна, – наверняка Лаэрт вскоре сделает ещё один шаг. Кстати, совсем скоро новое открытие сезона оперы... Все самые влиятельные члены общества будут присутствовать там. Лаэрт не преминет появиться в самом выгодном для него свете... Самое время произвести на него хорошее впечатление.

Эмилия рассмеялась. На нынешний момент она не была уверена ни в чём, кроме того, что сворачивать с намеченного пути она не собиралась. Потому приняла приглашение Максимилиана, послав ему весточку.

Глава 7. Предложение

Отец неодобрительно покачал головой, узнав, с кем собирается отправляться в оперу Эмилия, но противиться её решению не стал. Опять было завёл разговор о Томе Томпсоне, но дочь резко оборвала отца, возмущённо заявив, что знать ничего не желает о гнусном сплетнике, распускающем слухи.

– Хорошо, если это только слухи, дорогая моя. Иначе со стороны можно подумать, что ты играешь по каким-то правилам, известным только тебе одной. Или просто слишком отрывто флиртуешь, подавая надежду не одному из избранников, а сразу нескольким...

– Отец, прекратите. Вы думаете обо мне слишком дурно, – смутилась Эмилия, – приглашение Максимилиана – не более чем жест, что мы – добрые знакомые, не держащие обид за резкие слова. И ничего больше.

Эдвард Тиммонс посмотрел на дочь поверх газеты и хотел что-то сказать, но закашлялся особенно сильно. Приступ кашля длился дольше обыкновенного, и отец выглядел обессиленным после него.

– Девочка моя, мне хотелось бы, чтобы ты оказалась в надёжных руках после того, как меня не станет. Потому в ближайшее время я намерен решить вопрос с устройством твоего будущего, выбрав достойнейшего из претендентов.

Эмилия встрепелась: страх за отца и страх быть выданной замуж против воли наслоились друг на друга, придав её лицу почти мертвенную бледность. И как бы она ни старалась, она не могла выкинуть из головы одни и те же мысли, хватающие друг друга за хвост и носящиеся по кругу. Даже предстоящее мероприятие и подготовка к нему никак не могли вернуть её в благое расположение духа: всё казалось тщетным и безрезультатным...

В итоге она даже не радовалась нежно-зелёному роскошному платью, превращающему её в нежную лесную нимфу, сражающую невинной красотой. Отцу значительно полегчало, но нездоровый цвет лица выдавал его настоящее состояние. Болезнь всегда незримо присутствовала рядом, иногда вынуждая крепкого мужчину внезапно слечь на день-два, но затем отступала надолго. И отец выглядел настолько здоровым и полным сил, что и мыслей дурных не возникало. А в последний месяц недуг словно решил отыгаться за всё время отсутствия, приступы начали одолевать отца всё чаще...

– Вы чем-то обеспокоены? – раздался голос Максимилиана.

Она была так увлечена своими мыслями, что едва ли замечала его присутствие рядом с собой. Вот-вот должны были подать экипаж. Она перевела взгляд на мужчину, пристально вглядывавшегося в её лицо. Сегодня он выглядел гораздо приятнее, чем обычно, и даже улыбался временами, сменил облачение на мягко-серый костюм и синюю рубашку. Весь его облик неуловимо, но изменился в лучшую сторону, и он казался моложе обыкновенного.

– Спасибо за участие, – ровно отозвалась Эмилия.

Добавить что-то ещё она не успела: слуга доложил, что экипаж дожидается их уже во дворе. Нужно было ехать. Эмилия попрощалась с отцом. Тревога кольнула сердце от его изнеможённого вида, добавив серых красок в общий настрой.

– Может, всё же поделитесь со мной как с добрым приятелем, что вас гложет? – внезапно спросил Максимилиан, едва с момента отъезда экипажа прошло пару минут.

– Обычные заботы, как и у обычных смертных, – Эмилия устремила свой взгляд в окно экипажа, задёрнутое полупрозрачным тюлем.

Максимилиан хрипло рассмеялся, подавшись вперёд:

– Наверняка сегодня вы не смотрелись в зеркало, если говорите о себе в таком тоне.

Внезапно он поднялся и уселся на сиденье рядом с Эмилией, задёрнул рукой плотные шторы и обхватил рукой за талию, притягивая к себе.

– Что вы себе позволяете? – возмутилась Эмилия, но на рот легла его ладонь, и он горячо зашептал ей на ухо:

– Не кричите, прелестница! Вы же не хотите вызвать ещё одну волну слухов, кроме той, что уже будоражит пресные умы обывателей этого мелкого городка. Если не будете кричать, отпущу.

Она согласно кивнула. Максимилиан неспешно убрал ладонь, не преминув огладить кожу щеки.

– Непривычно видеть вас такой грустной и подавленной. Что случилось, Эмилия?

– Вы обещали отпустить меня, – напомнила она ему. Мужские руки всё ещё держали её за талию.

– Отпущу, как только прекрасная нимфа приоткроет мне тайну своей печали, – улыбнувшись произнёс мужчина, – такая соблазнительная прелестница не должна сидеть с потухшим взором, задумываясь о чём-то неприятном. Будь моя воля, я бы непременно прогнал тоску и скорбь, но, боюсь, методы покажутся вам возмутительными. Если даже невинное объятие заставляет вас краснеть и трепетать. Или за этим кроется страстная натура, желающая большего, но не отдающая себе в этом отчёта?

– Возмутительная наглость, – Эмилия уперлась кулачками в грудь мужчины, подавляющего её своей волей.

– Так-то лучше, – довольно усмехнулся мужчина, – подобные эмоции лучше пресной скорби.

Он сжал талию девушки и прижал к себе напоследок, заставив слабо вскрикнуть от силы объятий, а затем как ни в чём не бывало вернулся на своё место.

– Итак... Что вас тревожит? Можете быть со мной честной. И взамен обещаю не смущать вас... слишком сильно.

– По-вашему, я сию же минуту преисполнюсь благодарности и примусь изливать душу?

– Разумеется. Или я сделаю как раз то, что мне хочется больше всего, – перестану держать себя в руках. А у вас неостанет сил противиться моим объятиям. Вы сами пожелали пойти мне навстречу ещё там, в сквере. Многообещающе и зазывно сверкали глазами. Я могу перестать казаться джентльменом... Если вам так будет угодно. А сейчас кажется, что вы только этого и ждёте.

Эмилия невольно поёжилась: он сумасшедший. Зачем она только ввязалась добровольно в эту игру?

– Не льстите себе, Максимилиан, больше прочих. Мне не даёт покоя состояние отца, только и всего.

– А я слышал иное. Что Тиммонс и Томпсон обсуждали возможность брака своих детей...

– И это тоже! – голос невольно повысился.

– Не сдерживайте себя. Нет ничего хуже, чем сгорать от злобы, не имея возможности дать ей выход.

– Я не желаю сочетаться браком по чьей бы то ни было указке. Даже отца. А в последнее время он поднимает тему брака слишком часто, чтобы не обращать на это внимания.

– Чем вас не устраивает кандидатура Тома? – лениво поинтересовался мужчина. – Молод, при деньгах, в данное время, и подаёт большие надежды.

– О, прекратите! С таким же успехом я могла бы сочетаться браком с одним из псов на отцовской псарне, который так же усердно лижет руку и таскается по пятам, вынюхивая что-то!

Она поняла, что перегнула палку, но Максимилиан весело засмеялся:

– Я же говорил, что вам противно общество, вас окружающее. Вы считаете себя лучше них, и вполне заслуженно. Они – стадо овец, способных лишь жевать траву, а у вас имеются острые коготки и зубки. Вы – хищник по натуре, и вам претит овца, желающая занять место подле вас. Выбирайте спутника себе по зубам, только и всего.

– Вам, мужчинам, легко говорить, – фыркнула Эмилия, – вы гораздо более свободны в выборе и обязательствах.

– Вы в свою очередь тоже могли бы чувствовать себя свободно и жить иначе, найдя соратника по духу, способного оценить вас по достоинству.

– Всё это было и останется пустыми словами.

– Не только, – возразил Максимилиан. На мгновение в экипаже повисла гнетущая тишина. Эмилия поинтересовалась со смехом:

– Уж не себя ли вы предлагаете?

– А что вас так насмешило? Вы далеко не глупы, несмотря на свой возраст. И довольно наблюдательны. И вы не могли не заметить того притяжения, что витает в воздухе каждый раз, когда мы с вами оказываемся рядом. Вы начинаете волноваться и говорить необдуманно, несёте своим восхитительным ротиком то, чего не сказали бы другому мужчине. Вам просто недостает опыта, чтобы распознать в происходящем знаки...

– Какие же?

– Мы идеально подходим друг другу, только и всего. Возможно, мои слова кажутся вам безумными, но вы уже принадлежите мне, хотя и не признаёте этого.

Лицо девушки полыхнуло. Экипаж остановился.

– Да, вы правы, – согласилась Эмилия. На губах Максимилиана заиграла улыбка, и следом она добавила: – Вы – безумец. Нам пора идти.

– Подумайте, Эмилия, – не торопился выходить Максимилиан, – я не раскидываюсь подобными предложениями.

– В вашем предложении что-то есть. И если быть откровенной, а именно этого вы, по всей видимости, ждёте, я предпочту упражняться с вами в остроумии, нежели чем помирать от скуки в браке с Томпсоном.

– Восхитительно. Тем самым вы развязываете мне руки.

Максимилиан, наконец, поднялся и помог Эмилиии выбраться из экипажа. А вводя её в полутёмную ложу оперы, он всё же не удержался от того, чтобы зашептать ей на ухо:

– Но вы всё же немного лукавите. Вы чувствуете всем своим существом, что наше совместное времяпрепровождение будет безумно приятным для нас обоих, но не желаете признаться в этом самой себе.

Глава 8. Ультиматум отца

– Как провела время, дорогая? – отец решил навестить дочь перед сном. Горничная как раз приводила в порядок волосы Эмилии, расчёсывая их густой щёткой.

– Неплохо, – легко отозвалась девушка, пряча эмоции внутри себя.

– Надеюсь, что на этом... Кхе-кхе... Роза, будь так добра, принеси мне воды.

Отец отослал Розу и опустился в кресло, отирая холодный пот со лба.

– Проклятый кашель донимает меня всё сильнее, Эмилия... Я принимаю все те средства, что активно советует доктор, но они приносят лишь временное улучшение. К счастью, я всё ещё полон сил и решимости. По крайней мере, их вполне хватит для того, чтобы устроить твоё будущее до того, как я покину тебя.

– Папа, – встрепенулась Эмилия и подбежала к креслу, приникая к его руке, отмечая, что его пальцы немного подрагивают.

– Не обращай внимания, сегодня я немного переутомился. Завтра мне полегчает, – погладил отец дочь по голове, – я хотел поговорить о другом. Во-первых, я так понимаю, что недо-разумение между тобой и Ровере уже исчерпано. Значит, нет никакой необходимости появ-ляться наедине в его обществе. Он хороший деловой партнёр. И я надеюсь, что ссуженные им средства для вложения в разработку нашего старого серебряного рудника принесут нам нема-лую прибыль.

Отец взял паузу – как раз Роза вернулась с кувшином воды.

– Спасибо, можешь идти. Я хочу поговорить с дочерью наедине.

– Как я уже сказал, Ровере зарекомендовал себя как надёжный деловой партнёр, но на этом я хотел бы ограничить его общение с нашей семьёй.

– Как хорошо, что наши желания совпадают в этом вопросе, папа. Меня тяготит его обще-ство...

– Я рад, что ты прислушалась к моим словам. Надеюсь, что ты прислушаешься и к дру-гому моему предложению.

Эмилия отпрянула от отца и села за туалетный столик, сама взявшись за щётку, расчё-сывая ею волосы.

– Одно слово «предложение» меня уже пугает.

– Не стоит, милая. Речь всего лишь идёт об устройстве твоего будущего, только и всего.

– Опять, отец...

– Эмилия! Не перебивай меня прежде, чем я закончу свою мысль, – в голосе отца про-резались суровые нотки, и девушка замолчала, прикусив свой язычок.

– Не заставляй меня повышать на тебя голос, мой ангел, – чуть мягче произнёс Эдвард Тиммонс, – я уже не раз озвучивал причины, заставляющие меня торопиться. Это не прихоть, а необходимость. Кроме того, следует учесть, что уже у всех твоих ровесниц устроена буду-щая семейная жизнь. У одних имеется супруг, другие помолвлены и ожидают даты свадьбы. Что же касается тебя, моя дорогая... Поклонников хоть отбавляй, многие из них заикались о женитьбе, но ты вертела своим хорошеньким носиком... И на сегодняшний день ситуация такова, что вся эта толпа оболтусов так и увивается за тобой, но не рассчитывает на большее, чем твоё мимолётное внимание. Ты так часто отвергала всех кандидатов в супруги, что на данный момент ко мне с предложением обращались всего несколько видных мужчин нашей окружи. И самый надёжный из них это Том Томпсон.

О, опять этот набивший оскомину и опротивевший ей Том! Эмилия стиснула рукоять щётки.

– О других я даже говорить не желаю, поскольку все они как один из не самых видных семей или не подают больших надежд.

– Отец, мы уже обсуждали кандидатуру Тома. Он не вызывает во мне симпатии!

– Девочка моя, неужели ты думаешь, что твоя мать была в восторге, когда её выдали замуж за меня? Открою тебе одну маленькую тайну: за ней увивался один из молодых военных и она даже решилась бежать с ним, чтобы избежать нежелательного брака. Наивный план побега был раскрыт ещё задолго до того, как она приступила хотя бы к первой стадии его исполнения. Естественно, её наказали и как можно быстрее выдали за меня. А ненаглядный возлюбленный довольно быстро утешился, найдя ей замену. Первые несколько месяцев брака твоя мама безвылазно сидела в своей комнате и отказывалась даже разговаривать со мной.

Отец довольно рассмеялся, вспоминая былое. А Эмилия слушала, затаив дыхание. Любовь между её родителями была настолько осязаемой, что ей даже в голову бы не пришла мысль о том, что когда-то могло быть иначе.

– Любовь не рождается в одночасье, дорогая моя. И если ты сейчас не испытываешь чувств к Тому, это не означает, что их вовсе может и не быть. Вполне вероятно, что любви этого юноши хватит на вас двоих.

– Спасибо за рассказ, отец. Я и не знала, что у вашей истории с мамой было такое интересное начало.

– Самые чудесные годы моей жизни были связаны именно с ней. И разумеется, с тобой, мой ангел. Я желаю тебе добра, потому намерен принять предложение Тома Томпсона. Совсем скоро мы встретимся, чтобы обговорить все нюансы помолвки и грядущей свадьбы...

– Отец!..

– На этой неделе мы приглашены к ним. Томпсоны хотят устроить конную прогулку, сопряжённую с охотой. Мы будем там присутствовать. Я рассчитываю на твоё благоразумие и приятельское отношение к Тому. И это не просьба, Эмилия...

Отец поцеловал дочь в щёку перед уходом.

– Спокойной ночи, Эмилия...

Девушка едва дождалась, пока за отцом закроется дверь, и упала на кровать, заливаясь горячими слезами.

Глава 9. Охота

Как бы ни убивалась Эмилия вечерами и какими тоскливыми глазами ни смотрела бы на отца, тот был непреклонен. Эдвард Тиммонс частенько потакал капризам своей дочери и, несомненно, баловал её, но всё же его характер был твёрд настолько, чтобы не отступить от принятого им решения.

– Эмилия, будь добра, улыбнись. Мы едем не на похороны, – обратился к дочери Эдвард, когда экипаж въезжал в ворота поместья Томпсонов.

– Зачем? Меня всё равно никто ещё не видит. Как только на меня обратятся взоры присутствующих, я буду мила и обворожительна, как того от меня и ждут, – отозвалась девушка.

– В данное время я смотрю на тебя. И мне хотелось бы, чтобы ты не считала меня своим врагом.

Эмилия вздохнула. Отца она расстраивать не хотела, ровно как и выходить замуж против воли... Потому, едва экипаж остановился и они покинули его пределы, выражение её лицо изменилось. Лёгкая светская улыбка немного осветила лицо. К ним навстречу уже спешили встречающие, вдалеке прогуливались приглашённые гости. Пора играть свою роль...

Том Томпсон едва не лопался от счастья. Даже если кто-то в округе и не догадывался, к чему шло всё дело, глядя на его лицо, можно было бы понять многое. Он почти постоянно крутился возле Эмилии, каждое её слово принимая как откровение свыше. Такое раболепие не радовало и ужасно раздражало. Самое время попросить его встать на четвереньки и подставить спину под её изящный башмачок, злорадно думала Эмилия.

– Я счастлив находиться рядом с вами, – радостно шептал Том, улучив каждую удобную минутку, на что Эмилия отвечала ему мысленно: «О Том, если мне и суждено стать твоей женой, я позабочусь, чтобы брак стал самым большим испытанием в твоей жизни!»

Жестокосердная красавица мило улыбалась бедняге и радовалась тому, что Том всё же придерживался приличий, потому время от времени покидал её общество. Именно тогда Эмилия свободно вздыхала и пыталась насладиться приёмом, плавно подходящим к демонстрации хозяевами поместья заново отстроенной конюшни с великолепными лошадьми.

– Не желаете ли прокатиться?

Нет, она обрадовалась слишком рано. Вездесущий Том вновь возник рядом с ней, нахваливая лошадей, отобранных им лично.

– Пойдёмте, я покажу вам одну кобылку. Она прелестна...

Том подвёл Эмилию к одному из стойл. Кобылка была и впрямь чудо как хороша – среднего размера, вороная, с шелковистой гривой. Она сразу же потянулась к руке Эмилии.

– Мне кажется, для вас она в самый раз, – улыбнулся Том.

– Я бы так не сказал, – послышался за спиной знакомый мелодичный голос. У Эмилии отлегло от сердца – хоть одно приятное событие на сегодня. Лаэрт Солсбури.

– Прошу простить меня за опоздание.

Мужчины обменялись рукопожатиями, Эмилии достался приятный волнующий поцелуй руки и чуть более сильное сжатие пальчиков, чем обычно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.